

КОГДА ПОГАСНЕТ СТЕКЛО

РЭН АСТОРОВ

РЭН АСТОРОВ

Когда погаснет стекло

«Автор»

2026

Асторов Р.

Когда погаснет стекло / Р. Асторов — «Автор», 2026

У союза пяти городов осталось две целые магические пластины. Регент перекрыл поставки сырья, Совет хранителей требует вернуть ему власть над ремеслом, а армия уже идёт к Старым Печам. Илья и Лиара должны научить города защищаться без чудесного оружия — с помощью гонцов, костров, обычных дорог и решений, принятых заранее. Но добыть новое стекло мало. Нужно открыть опасное знание так, чтобы неполный рецепт не калечил учеников, а новая мастерская не стала следующей монополией. Пока Илья превращает тайну в проверяемые записи, Лиара готовит оборону, в которой ни один приказ не успеет прийти вовремя. Победа даст союзу лишь слабые пластины и короткую передышку. За настоящей свободой придётся идти к столице.

© Асторов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Две целые пластины	6
Глава 2. Город без быстрого голоса	14
Глава 3. Хранители приходят ночью	21
Глава 4. Цена одного огня	30
Глава 5. Разбитое не пустое	36
Глава 6. Караван серого песка	44
Глава 7. Печь, которой нет	50
Глава 8. Ученица Севры	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рэн Асторов

Когда погаснет стекло

От автора

Чудо особенно легко принять за порядок вещей, пока оно работает. Этот том начинается в минуту, когда привычное чудо почти исчерпано, а людям приходится заново замечать дороги, печи, гонцов, чужой труд и цену знания. Это история не о мире без магии, а о выборе: кому позволено хранить опасное ремесло и как разделить власть, не разделив ответственность.

Перед вами восьмой том цикла «Чужое небо». Его самостоятельный конфликт завершится в финале, но отношения героев, гражданская война и тайна переходов продолжают общую историю.

Глава 1. Две целые пластины

Мирана велела закрыть ставни, хотя утро уже началось.

В мастерской сразу стало теснее. Свет остался только над длинным столом: две лампы под медными колпаками освещали двенадцать стеклянных пластин, разложенных на серой ткани. Две были прозрачными, с ровным молочным сиянием у краёв. Семь потемнели, будто их долго держали над дымом. Три пересекали трещины.

Илья видел этот ряд накануне. Тогда в мастерскую входили и выходили люди, за стеной спорили о списке регента, а Мирана называла срок: два месяца для редких сигналов, три недели при боевом расходе. Теперь она сняла с двери внутреннюю ручку и положила её рядом с весами.

— Зачем ручка? — спросил он.

— Чтобы никто не вошёл по привычке. Сегодня привычка дороже воровства.

Лиара проверила засов. Снаружи остались двое печных учеников, выбранные разными дворами, и Тевер, которому Мирана отказала во входе так же спокойно, как любому другому.

— Он командует стенами, — заметила Лиара.

— Стены пусть считает сам. Стекло считаю я. Пока мы не договорились, что значит «считаю».

Мирана надела тонкие кожаные перчатки и подняла первую целую пластину. Она была размером с ладонь, заключена в оправу из потемневшей меди. На одном углу сохранилась синяя отметка Старых Печей, на другом — почти стёртая царапина прежнего владельца.

— Северная, — сказала Мирана. — Двести восемьдесят три меры после вчерашнего испытания.

— Меры чего? — спросил Илья.

— Того, что мы умеем сравнивать и не умеем взвесить. Если хочешь длинное объяснение, скажу: одна мера — нагрев контрольной иглы от холодного состояния до первой красной черты. Но иглы отличаются. Воздух отличается. Рука хранителя отличается. Поэтому двести восемьдесят три — не количество тепла в мире. Это число в моей мастерской сегодня.

— Значит, в другой мастерской оно будет другим.

— И это первая причина, почему я не отдам журнал человеку регента. Он превратит приблизительное число в приказ и казнит кого-нибудь за недостачу.

Она опустила пластину в деревянную рамку. Под рамкой стояла узкая чашка с водой. Мирана коснулась оправы двумя медными усиками. В воде поднялся пар, хотя сама пластина осталась холодной.

Илья следил не за паром, а за светом у края. Сияние дрогнуло сначала возле стёртой царапины, потом выровнялось.

— Двести восемьдесят один, — сказала Мирана.

— Проверка съела две меры?

— Любое знание о запасе съедает запас. Запиши.

Илья записал в новом журнале: «Северная. До проверки — 283 по журналу Мираны. После проверки — 281. Разница — 2». Потом оставил место для подписи второго наблюдателя.

Лиара взяла перо.

— Я не умею проверять иглу.

— Ты видела воду и слышала число, — ответил Илья. — Подпиши только это.

Она написала: «Видела пар. Меры не проверяла». Мирана прочла и едва заметно улыбнулась.

— Вот за такую запись хранительницу выгнали бы из Совета.

— За честную?

— За ограниченную. Совет любит свидетелей, которые видят всё, особенно если ничего не понимают.

Вторую целую пластину называли Речной. Её оправа была новой, сделанной в Ларсе после того, как старая погнулась в дороге. По вчерашней записи в ней оставалось триста одиннадцать мер. Проверка показала триста восемь.

— Три ушло, — сказала Лиара.

— Или вчера ошиблись на одну, — ответила Мирана. — Или эта оправа отдаёт тепло хуже. Или в комнате холоднее. Поэтому рядом с числом пишем способ и время.

Илья добавил строку. Ему вспомнились карты в реставрационной мастерской на Земле. Там тоже число без способа измерения часто притворялось фактом. Бумагу называли листом восемнадцатого века, пока не выяснялось, что речь идёт о рисунке, а подкладку наклеили через сто лет. Здесь ошибка была не музейной. Ошибка могла оставить город без предупреждения.

Мирана перешла к семи мутным пластинам. Четыре ещё принимали слабый заряд, но не удерживали его дольше суток. Две годились для нагрева лекарской воды, если не требовалась точная температура. Одна только светилась, когда её клали рядом с целой, и гасла через несколько минут.

— Значит, она бесполезна, — сказала Лиара.

— Нет. Она показывает, что целая пластина начала отдавать тепло. Для сигнала бесполезна, для проверки пригодится.

— Тогда подпиши её не «старая», а «контрольная», — предложил Илья.

Мирана посмотрела на него поверх лампы.

— Я двадцать лет называю её старой.

— А человек, который откроет ящик без тебя, решит выбросить.

Она взяла кусочек мела, зачеркнула на дощечке слово и вывела новое.

— Вот так и начинается мятеж. Не со знамени, а с того, что чужой человек меняет подпись на твоём ящике и оказывается прав.

Три треснувшие пластины Мирана не стала проверять. Одну пересекала белая ветвистая линия, две другие раскололись у оправы, но держались на тонких медных скобах.

— В них что-нибудь осталось? — спросил Илья.

— Осталось. Поэтому они опаснее пустых. Дадим им тепло — трещина побежит быстрее заряда. Не дадим — можно будет изучить слои.

— Переплавить?

— Старое стекло не тесто. Сомнёшь края — не получишь целую пластину. Но состав никуда не исчез. Когда будет печь, песок и человек, готовый рискнуть руками, узнаем больше.

За дверью дважды ударили костяшками. Условный знак был прост: не тревога, но ждать нельзя.

Лиара сдвинула засов ровно настолько, чтобы спросить имя.

— Сай. С западного поста гонец.

Сай вошёл боком, стараясь не смотреть на стол. Он ещё носил пустой футляр печати Нэры на ремне, хотя должности при футляре больше не существовало. Лицо у него покраснело от бега.

— У перевала дым, — сказал он. — Не наш. Три коротких, один длинный. Крайдские так не подают.

— Кто видел?

— Западная башня. Потом сторож с козьей тропы. Он говорит, дым идёт ниже старого дозора.

Лиара уже разворачивала карту.

— Если ниже, это может быть смолокурня.

— После ночного дождя?

— Может быть тот, кто хочет, чтобы мы решили: отряд Тарвена.

Мирана накрыла тканью обе целые пластины.

— Для дальнего взгляда нужна Северная. Двенадцать мер, если только увидеть огни у перевала. Двадцать, если искать людей в лесу.

— Вчера ты говорила о пяти, — заметил Илья.

— Вчера я не знала, насколько остыла башенная чаша. Её не грели со времени приступа.

Сай смотрел то на Лиару, то на накрытый стол.

— На западной заставе восемь человек. Если там Тарвен, они не успеют уйти.

— Если там Тарвен, — повторила Лиара. — Кто старший на заставе?

— Верат.

— Он знает путь к каменоломне?

— Знает.

— Тогда почему не ушёл после второго дыма?

Сай замялся.

— Приказ был наблюдать до подтверждения.

— Чей приказ?

— Старый. Ещё до договора.

Лиара закрыла глаза на один короткий вдох. Война продолжала исполнять приказы людей, которые уже не имели права их отдавать.

— Передай бегуну: застава отходит к каменоломне при любом втором наблюдении. Не ждёт стекла. Не защищает башню. Жизнь важнее площадки.

— А сигнал?

— Сначала обычное подтверждение. Два бегуна разными тропами. Один к заставе, другой к козьему посту. Сколько до ответа?

— Три часа, если склон не размыло.

— За три часа отряд пройдёт перевал, — сказал Сай.

— Или за три часа мы не потратим двенадцать мер на смолокурню.

Он не двинулся.

— Верат мой брат.

Лиара посмотрела на него уже не как на связного.

— Тогда ты не понесёшь приказ. Пойдёт другой.

— Почему?

— Потому что ты побежишь быстрее сил, упадёшь на мокром спуске и не дойдёшь. Или добежишь и останешься с ним, хотя должен вернуть ответ. Это не упрёк.

Сай стиснул пустой футляр.

— Нэра бы посмотрела через стекло.

— Возможно.

— И узнала бы сразу.

— Возможно, — повторила Лиара. — А потом все пять городов снова ждали бы, пока один человек посмотрит за них.

Мирана сняла ткань с Северной пластины.

— Решайте быстрее. Пока вы спорите, чаша остывает ещё сильнее.

Лиара повернула карту так, чтобы её видели все. Перевал соединял Старые Печи с семью заставами Крайда. Ниже шла тропа к заброшенной каменоломне, дальше — дорога на Белый Яр. Если люди Тарвена заняли проход, они могли перерезать гонцов между двумя сторонами союза. Если это была ложная тревога, первый день нового договора начинался с дорогого взгляда в пустоту.

— Нам не нужно искать людей в лесу, — сказал Илья. — Только понять, горит ли сигнальная жаровня на самой башне.

— Снизу её не видно, — ответила Лиара.

— Зато видно отражение от скалы. На карте склон отмечен как светлый известняк.

— Это старая карта.

— Скалу могли перекрасить?

— Могли поставить навес. Мог обвалиться край. Мог вырасти лес.

— Но для отражения не нужна полная дальняя картина. Мирана?

Хранительница прикинула расстояние, провела ногтем от башни до Печей.

— Семь мер. Может, восемь. Увидим свет на скале, не людей.

— Если света нет, ничего не узнаем, — сказала Лиара.

— Узнаем, что не получили подтверждения, — ответил Илья. — Это не то же самое, что «там никого нет».

Сай раздражённо выдохнул.

— Пока вы выбираете правильные слова, там восемь человек.

— Именно поэтому слова должны быть правильными, — сказала Лиара. — Если я скажу «перевал захвачен», туда пойдут сорок. Если скажу «света не видно», они сначала проверят дорогу.

Она приняла решение: два бегуна отправляются немедленно, застава получает право отходить без подтверждения, а пластину расходуют только на отражение башенной жаровни. Семь мер, не больше. Мирана потребовала восемь: последняя мера нужна, чтобы безопасно погасить соединение.

— Запиши до начала, — велела она Илье. — После все помнят, будто договорились именно о том, что получилось.

Он записал цель: «Увидеть наличие или отсутствие отражённого света башенной чаши на западной скале. Не искать людей. Предел расхода — восемь мер». Лиара добавила: «Отсутствие света не считать доказательством захвата или пустой башни».

Северную пластину понесли наверх в деревянном ящике. Мирана держала его обеими руками. По лестнице первой шла Лиара, за ней Сай с лампой, последним Илья. На каждом пролёте висели ведро с песком и толстое одеяло — на случай, если оправа перегреется. Раньше Илья принимал эти вещи за обычную заботу ремесленников. Теперь видел другое: магия не отменяла ведро.

Башенная комната пережила осаду плохо. Одно окно заложили камнем, на втором вместо рамы натянули промасленную ткань. В центре стояла медная чаша на трёх ножках. От неё к западной стене тянулись провода толщиной с палец. Один почернел и был обмотан новой кожей.

— Его меняли ночью? — спросил Илья.

— После последнего сигнала, — ответила Мирана. — Старый расплавился.

— Проверяли?

— Коротко.

— Сколько ушло?

— Не больше меры.

— Записано?

Мирана промолчала.

Илья не стал продолжать. Вчера город отбивал ворота; требовать идеальный журнал под стрелами было легко лишь тому, кто не носил воду к стене. Но одна незаписанная мера уже превратила «двести восемьдесят три» в догадку.

Лиара сняла промасленную ткань. В комнату ворвался сырой ветер. На западе лежали тёмные холмы, и только узкая полоса светлого камня показывала место перевала. Дым уже рассеялся.

Мирана установила пластину в паз у основания чаши. Медная оправа вошла туго. Она не стала давить, вынула стекло и посветила лампой внутрь.

— Кожаная прокладка разбухла.

— Можно обрезать? — спросила Лиара.

— Можно. Тогда пластина сядет неровно и треснет раньше, чем мы увидим скалу.

Сай отвернулся к окну. Илья заметил на полке короб с древесной золой, использовавшийся для чистки меди.

— Высушить чашу?

— Долго.

— Не всю. Только прокладку. Снять, прижать между тёплыми кирпичами.

Мирана покачала головой.

— Старая кожа после быстрого жара станет жёсткой.

— Тогда чем её сушили раньше?

— Теплом пластины.

Они замолчали. Чтобы подготовить устройство, экономившее стекло, требовалось стекло.

Лиара провела пальцем по подоконнику и показала сухую пыль под самым краем.

— Ветер сушит эту сторону. Если вынести прокладку наружу?

— Полчаса, — сказала Мирана. — Может, меньше.

— Ждём.

Сай резко обернулся.

— Полчаса?

— Мы уже послали людей.

— Они ещё во дворе выбирают, кто пойдёт.

Лиара подошла к лестнице и крикнула вниз первое попавшееся имя из дежурного списка. Ответили сразу. Она велела двум связным выходить без старших и выбирать тропы самим, лишь бы не одну. Потом вернулась к окну.

— Теперь ждём.

Прокладку привязали ниткой к внешнему крюку. Она качалась на ветру, маленькая, невзрачная, и от неё зависело, сколько тепла потребуется для взгляда на далёкую скалу.

Илья стоял рядом с Лиарой. Внизу на площади читали объявление регента. Кто-то громко произнёс слово «зачинщики», толпа ответила смехом, но смех быстро стих. У ворот плотники меняли разбитую доску. На крыше лекарского дома сушились бинты. Союз существовал меньше суток и уже состоял не из пяти подписей, а из сотен дел, которые нельзя было созвать в одну комнату.

— Ты хотела сразу потратить двенадцать мер? — тихо спросил Илья.

— Хотела потратить двадцать и увидеть лес. Потом вспомнила, что Тарвен именно этого ждёт.

— Что мы ослепнем?

— Что начнём бояться слепоты больше, чем плохих решений. Он будет показывать дым на каждой дороге, пока мы не выжжем стекло сами.

— А если сейчас это не дым?

— Тогда Верат отойдёт к каменоломне, а мы потеряем башню. Башню можно вернуть.

Она говорила ровно, но следила за западом так, будто могла увидеть брата Сая невооружённым глазом. Илья коснулся её запястья. Не удержал и не отвлёк — просто дал почувствовать, что стоит рядом.

Через двадцать семь минут Мирана сняла прокладку. Кожа осталась мягкой и вошла в паз без складки. Пластина села ровно.

Хранительница велела всем отойти от чаши. Сама положила ладони на две деревянные рукояти и медленно повернула их навстречу друг другу. По медным проводам прошёл низкий гул. В чаше возникло красноватое свечение, похожее не на пламя, а на свет сквозь закрытые веки.

— Первая мера, — сказала Мирана.

Илья записал.

На третьей мере воздух над чашей задрожал. На пятой западная стена словно отдалилась, и в медном круге проявилась бледная полоса известняка. Изображение было мутным. Ветер на настоящем склоне двигал ветви, а в чаше они казались тёмными трещинами.

— Башня правее, — сказала Лиара.

— Не води меня голосом. Покажи.

Лиара положила палец на край чаши, не касаясь меди. Мирана повернула левую рукоять на волос.

На шестой мере они увидели свет.

Не саму жаровню — только оранжевое пятно на белой скале. Оно появилось, пропало, появилось снова. Три коротких отсвета, один длинный.

— Это их сигнал, — прошептал Сай.

— Чей? — спросила Лиара.

— Верата. Три коротких, длинный — вижу противника, остаюсь скрыт.

— Ты говорил, крайдские так не подают.

— Это наш с ним знак. Детский ещё. Когда пасли коз.

Мирана не отвлеклась.

— Шесть мер. Я могу погасить сейчас.

— Погаси, — сказала Лиара.

— Мы не знаем, сколько противников, — возразил Сай.

— И не обещали узнать.

— Ещё четыре меры — и увидим склон.

— Мы записали предел и цель.

— Это мой брат!

— Поэтому он уже уходит к каменоломне. Его знак сообщил достаточно.

Мирана свела рукояти. Свечение стало тонким, как красная нить. На миг пластина вспыхнула у стёртой царапины, и Илья услышал сухой щелчок.

Все замерли.

— Не двигайтесь, — сказала Мирана.

Она держала рукояти ещё несколько ударов сердца, потом отпустила сначала правую, затем левую. Красная нить погасла. Чаша осталась целой.

Пластину вынули только после того, как медь остыла. Мирана осмотрела стекло с обеих сторон, провела по краю мягкой кистью и поднесла к лампе.

— Трещины нет.

Сай сел прямо на пол.

— Значит, всё?

— Значит, мы увидели отражение сигнала, — ответил Илья.

— Хватит переводить.

— Нет, — сказала Лиара. — Не хватит. Если твой брат вернётся, он расскажет остальное. Если не вернётся, мы будем знать, что последним его решением был отход, а не бой за башню.

Мирана снова проверила пластину внизу, уже слабой контрольной. Северная показала двести семьдесят две меры.

— Было двести восемьдесят одна, — сказал Илья. — Ушло девять.

— Шесть на взгляд, одна или две на остановку, остальное потеряли в чаше.

— Мы договорились о восьми.

— Договорились. И ошиблись.

Лиара поставила подпись под результатом: «Потрачено девять. Получено отражение условного сигнала, источник не установлен». Сай попросил перо и добавил: «Сигнал узнал как личный знак Верата. Другие не обязаны считать это доказательством».

Он долго смотрел на свою строку, словно она была слабой заменой брату, потом вернул перо.

Первый бегун возвратился после полудня. На башне действительно были люди Тарвена — двенадцать всадников без знамени. Они не штурмовали заставу, а разожгли дым ниже дозора и ждали, появится ли магический свет над Старым Печами. Когда чаша ожила, всадники сразу ушли на север.

— Они считали расход, — сказала Лиара.

— Как? — спросил Тевер, которого наконец впустили в мастерскую.

— Им не нужно точное число. Они хотели узнать, станем ли мы отвечать стеклом на каждый дым.

Верат отвёл людей к каменоломне и потерял башню без боя. Второй бегун нашёл их на запасной тропе. Никто не погиб. Сай выслушал сообщение, выругал брата за тайный детский знак, потом вышел во двор и некоторое время стоял там один.

Тевер тем временем потребовал Северную пластину для ворот.

— Отряд прощупал перевал, — сказал он. — Следом придут основные силы. Стекло должно быть у обороны.

— У какой обороны? — спросила Мирана. — У ворот Печей? У кессенского моста? У ларских лодок? У застав Крайда?

— Здесь общая мастерская.

— Здесь моя мастерская. Общей она станет, когда будет правило, по которому ты не заберёшь последнюю пластину первым.

Тевер повернулся к Лиаре.

— Ты понимаешь военную необходимость.

— Понимаю. Поэтому пластина не будет лежать у ворот. Противник уже доказал, что умеет заставлять нас тратить её на расстоянии.

— Тогда кто решает?

Никто не ответил сразу. Вчера союз отказался от общего правителя. Сегодня выяснилось, что две целые пластины могли стать правителем сами: тот, кто держал их, выбирал, чей страх достоин немедленного ответа.

Илья развернул чистую страницу журнала.

— Пока нет правила, каждое применение подписывают трое. Хранитель говорит, что можно сделать и какова цена. Человек места говорит, что случится без стекла. Представитель другой стороны подтверждает, что решение не принято одним городом в свою пользу.

— Пока они соберутся, люди умрут, — сказал Тевер.

— Тогда заранее запишем случаи, когда можно действовать без троих, — ответила Лиара. — Пожар в хранилище. Разрушение оправы. Сигнал об эвакуации, если обычный путь уже отрезан. Не «мне страшно» и не «я команду стеной».

— Ты предлагаешь совет на каждую искру.

— Я предлагаю не жечь дом, чтобы быстрее увидеть искру.

Мирана поставила Северную пластину в ящик, но крышку не закрыла.

— Сегодня мы потратили девять мер, чтобы восемь человек ушли без боя и двенадцать чужих всадников узнали, что у нас ещё есть стекло. Это не напрасный расход. Но если завтра они зажгут пять дымов, мы не ответим пять раз.

— А если один окажется настоящим нападением? — спросил Тевер.

— Тогда нас спасут наблюдатели, гонцы и решения, принятые до дыма, — сказала Лиара.
— Или не спасут. Стекло тоже не обещает спасения. Оно только позволяет ошибиться быстрее.

К вечеру на открытой стене мастерской повесили новый лист. На нём не было ни рецепта стекла, ни тайных знаков хранителей. Только остаток: Северная — двести семьдесят две условные меры, Речная — триста восемь. Ниже перечислялись семь слабых и три треснувшие пластины с назначением каждой.

Мирана сама приписала: «Числа зависят от проверки. Проверка расходует запас».

Люди подходили, читали и задавали одинаковый вопрос:

— Это всё?

Сначала Илья объяснял подробно. Потом понял, что подробность звучит как попытка смягчить ответ.

— Всё, — говорил он.

Кто-то ругался. Кто-то требовал спрятать лист, чтобы лазутчики не узнали слабость. Кто-то обвинял Печи в том, что они утаили собственные пластины. Мирана открыла шкафы и позволила двум выбранным свидетелям осмотреть пустые ячейки, не касаясь оправ. Пустота убедила хуже, чем любой отчёт.

После заката на западной дороге появился Верат с семьёю людьми. Восьмого они не потащили: он ушёл раньше с первым сообщением и вернулся другой тропой. Сай встретил брата у ворот, ударил его кулаком в плечо, потом обнял так резко, что у обоих слетели капюшоны.

Верат подтвердил рассказ бегуна. Всадники Тарвена наблюдали не за заставой, а за небом над Печами. Когда в башенной чаше пошёл жар, над городом возникло слабое красное мерцание, заметное с перевала.

— Значит, дальний взгляд выдаёт нас так же, как показывает чужих, — сказал Илья.

— Всегда выдавал, — ответила Мирана. — Просто раньше у нас было достаточно пластин, чтобы не считать это важным.

Она закрыла ящик двумя разными замками. Один ключ оставила себе. Второй передала не Теверу и не Лиаре, а Олме, представлявшей кессенские дворы. Олма должна была уехать утром, и тогда ключ переходил к следующей стороне по открытому списку.

— Два замка не остановят солдат, — сказал Тевер.

— Зато солдатам придётся сломать оба при свидетелях, — ответила Олма.

Ночь пришла холодная. В мастерской погасили одну лампу, потом вторую. Для них тоже требовалось масло, а масло можно было отдать лекарям или возницам. Илья вышел на площадь вместе с Лиарой.

Над воротами горели пять отдельных фонарей, как вчера. Но теперь он видел не знак союза, а пять маленьких расходов. Масло, фитиль, человек на лестнице, человек на смену. Всё, что казалось символом, держалось на чьих-то руках.

— Двести семьдесят две и триста восемь, — произнёс он.

— К утру числа снова изменятся, — сказала Лиара.

— Тебя это не пугает?

— Пугает. Но две целые пластины лучше одной прекрасной лжи о бесконечном запасе.

Со стороны западной башни ударил обычный колокол. Один раз, пауза, ещё два. Верат уже поставил там новую смену и передал простой знак: дорога свободна до перевала. Без стекла сообщение шло дольше, зато не осветило небо над городом.

Лиара прислушалась и повторила удары, чтобы запомнить.

— Завтра заменим старые приказы на всех постах, — сказала она. — И начнём учиться быть медленнее.

За стеной ответил второй колокол. Звук дошёл не сразу, немного искажённый ветром, но дошёл.

Глава 2. Город без быстрого голоса

К рассвету в Старых Печах запретили три старых сигнала и придумали девять новых.

К полудню никто уже не мог вспомнить, какие именно три запретили.

Лиара стояла на площади перед доской, исписанной мелом, и слушала, как четыре взрослых человека одновременно объясняют смысл двух ударов колокола. Печной сторож считал их знаком свободной дороги. Возница из Белого Яра — просьбой подать свежих лошадей. Ларсский речник уверял, что на пристани два удара означают человека за бортом. Ученик Мираны признался, что вчера бил дважды только потому, что не смог раскачать колокол для третьего удара.

— А на западной башне? — спросила Лиара.

Верат поднял руку.

— Один, пауза, два — дорога свободна до перевала.

— Для кого?

— Для наших застав.

— Кессенский гонец услышит то же самое. Что он поймёт?

— Что кто-то шумит.

На площади засмеялись. Лиара не стала останавливать смех. Люди, которым предлагали заменить чудо верёвкой и железом, имели право заметить несовершенство верёвки и железа.

— Именно, — сказала она. — Пока это шум. Нам не нужен один язык на все случаи жизни. Нам нужно, чтобы каждый знак отвечал на один вопрос и не притворялся другим.

Илья сидел у стены под навесом и переписывал предложения на отдельные листы. За ночь доски покрылись стрелками, кружками и исправлениями. Он пытался собрать из них стройную систему, но всякий раз находился человек, для которого новый знак уже означал пожар, похороны или начало ярмарки.

— Можно назначить разный час, — предложил он. — Дорожные сигналы только на рассвете и перед закатом. Тревога — в любое время.

— Туман не знает часов, — возразил Крайд. — В горах иногда до полудня соседней башни нет.

— Тогда флаг днём, фонарь ночью.

— В дождь флаг прилипает к дереву.

— Два флага.

— Две мокрые тряпки прилипают надёжнее одной, — сказала Рисса.

Снова засмеялись. Илья отложил мел.

На Земле ему попадались старые схемы почтовых трактов: аккуратные линии между станциями, одинаковые значки, расстояния, рассчитанные до версты. На бумаге сообщение двигалось само. Карта не показывала захромавшую лошадь, пьяного зрителя, размытый мост и письмо, которое лежало под скамьёй, потому что получатель носил то же имя, что сосед.

Лиара стёрла половину доски рукавом.

— Начнём не со знаков. Начнём с вопросов. Первый: есть ли опасность прямо сейчас? Второй: можно ли ехать по дороге? Третий: нужно ли прислать гонца за полным сообщением?

— А если нужен лекарь? — спросила Олма.

— Это полное сообщение.

— Если человек умирает, пока гонец объясняет полноту?

Лиара посмотрела на неё.

— Тогда нужен отдельный знак для лекаря. Но знак не скажет, какой лекарь и что случилось.

— Значит, вместе с ним всё равно едет гонец.

- Да.
- И мы вернулись к лошади.
- Мы никуда от неё не уходили.
- Эту фразу записали первой.

К обеду решили оставить колокола только для ближайших постов. Один частый бой означал немедленную опасность на самом посту. Редкие одиночные удары — просьбу принять гонца. Всё остальное передавали флажками днём и фонарями ночью, но каждый знак сопровождался дощечкой с местом, временем и именем отправителя. Дощечка ехала с человеком. Если знак видели, а гонец не приходил, получатель знал лишь одно: надо послать своего навстречу.

- Слишком медленно, — повторял Тевер.
- Медленно не то же самое, что неверно, — отвечал Илья.
- Мёртвым объяснишь разницу.
- Вчера быстрый взгляд сообщил только, что на скале есть свет.
- И спас заставу.
- Заставу спас старый путь к каменоломне.

Тевер не спорил дальше, но по лицу было видно: следующая настоящая тревога станет его доводом.

Проверку начали с западной линии. На городской башне подняли жёлтый флаг: «Примите гонца». Ближний пост ответил таким же. Гонец донёс дощечку с бессмысленной фразой, которую придумала Рисса: «У старой козы четыре белых копыта и дурной нрав». На посту её переписали, вернули другим человеком и прочли вслух на площади.

- У старой козы четыре дурных копыта и белый нрав, — сообщил вернувшийся гонец.
- Рисса поклонилась.
- Нрав наконец исправился.

Ошибка нашлась не в дороге. Писец на посту писал на колене, слово «белых» попало ниже строки, а второй человек решил восстановить смысл сам.

- Илья обвёл оба изменённых слова.
- Ничего не восстанавливаем по смыслу. Если не разобрал — ставишь пустое место.
- И везёшь пустое место три часа? — спросил писец.
- Да. Пустое место честнее догадки.

Вторую проверку отправили к речному спуску, третью — на северную дорогу. К вечеру доска стала проще. Убрали знаки, которые легко путались в тумане. Отказались от красного флага: у половины застав красной ткани не было, а там, где была, ею уже отмечали больных животных. Каждой линии оставили собственные местные знаки, а общими сделали только немедленную опасность и просьбу встретить гонца.

- Это не единая связь, — сказал Тевер.
- Верно, — ответила Лиара. — Это несколько связей, которые умеют позвать друг друга.
- Первое настоящее сообщение пришло, когда на площади снимали доску.

Гонец из Кессена въехал через восточные ворота на мокрой лошади. На его перевязи висела дощечка с синей полосой — знак лекарского дела. Сам он привёз сложенный лист с печатью Олминых дворов.

Олма прочла его и сразу подозвала Лиару.

— В нижнем посёлке горячка. Пока семеро, трое детей. Нужна ивовая кора, чистые повязки и синий порошок Мираны для воды.

Мирана стояла рядом.

- Не мой порошок. Его делает Келис у северных печей.
- В Кессене записано, что он твой.
- Потому что я проверяю помол. Запас у Келиса.

— Сколько?

— Вчера было четыре мешочка.

Олма перечитала письмо.

— Им нужно шесть.

— Тогда два можно взять в лекарском доме у западных ворот. Если их не потратили после осады.

Лиара уже распределяла людей. Один гонец к Келису, второй — в лекарский дом. Повозку готовить у восточных ворот, лошадей сменить у моста. Ивовую кору и повязки Олма собирала сама.

— Что делает порошок? — спросил Илья.

— Помогает очистить воду от болотной взвеси, — ответила Мирана. — Не лечит горячку. В Кессене это знают.

— В письме написано «для воды».

— И хорошо.

Она взяла пустую дощечку и написала крупно: «Келис. Синий порошок для воды. Четыре мешочка. Восточные ворота». Второму гонцу: «Лекарский дом западных ворот. Синий порошок для воды. Два мешочка. Восточные ворота».

— Подпиши время, — напомнил Илья.

Мирана добавила: «После шестого дневного удара».

Гонцы уехали разными улицами.

Через час к восточным воротам привезли повязки, кору и два мешочка синего порошка. Повозка стояла готовая. Олма ходила вокруг неё, проверяя узлы. Четырёх мешочков от Келиса не было.

— Северные печи далеко? — спросил Илья.

— Пешком меньше получаса, — ответила Лиара.

— Уже два прошло.

Она послала мальчика на ближайшую башню с жёлтым флагом. Северный пост ответил: гонец прошёл туда давно, обратно не возвращался.

— Может, Келиса нет, — сказала Мирана.

— Тогда гонец должен вернуться с пустой дощечкой, — ответил Илья.

Олма затянула последний ремень.

— Отправим два. Остальные догонят.

— Дорога до Кессена день с лишним, — сказала Лиара. — Догонять будут другой повозкой и другой лошадей.

— А ждать — другой горячкой.

Решили отправлять. Повозка выехала за ворота, когда с северной улицы наконец появился первый гонец. Он бежал один, без мешочков.

— Келис отправил всё к речному спуску, — выговорил он. — Сказал, так велено.

Мирана взяла у него дощечку. На обороте чужой рукой было написано: «Четыре синих. К Ларсу. Срочно».

— Кто велел?

— Ученик с площади принёс знак. Два синих флага. Келис сказал, это лекарский груз к реке.

Лиара медленно повернулась к доске. Два синих флага предлагала Олма утром как знак лекарской помощи. Его отвергли: у речников синий означал отправку груза вниз по течению. Но кто-то успел передать ранний список на северные печи.

— Когда ушла телега? — спросила Лиара.

— Сразу после пятого удара.

— До настоящего письма.

— Да.

На площади стало тихо.

— Значит, порошок уже у реки, — сказал Илья.

— Если не погрузили, вернём, — ответила Рисса.

Она схватила плащ и побежала к южной улице. Лиара отправила за ней верхового. Олма стояла у ворот, глядя вслед повозке с двумя мешочками, которая уже скрылась за поворотом.

— Остановить? — спросил привратник.

До первого поста её можно было догнать флажком. Дальше дорога уходила за холм.

Олма покачала головой.

— Пусть везёт то, что есть. В нижнем посёлке воду надо очищать сегодня.

— Можно передать в Кессен через пластину, что остальное задержится, — сказал Тевер.

Мирана посмотрела на него без раздражения, почти устало.

— Для дальнего сообщения до Кессена нужно не меньше пятнадцати мер. Башенная чаша на востоке повреждена.

— Семеро больных.

— Порошок не лечит болезнь, — напомнил Илья.

— Скажи это их матерям.

— Скажу. И скажу, что пятнадцать мер не сделают повозку быстрее.

— Зато там будут знать.

Лиара смотрела на восточную дорогу. Знать было не пустяком. Если Кессен считал, что получит шесть мешочков, там могли приготовить больше воды и не искать другой способ. Но дальнейшее сообщение ушло бы быстрее груза только на несколько часов. За эти часы пластина потеряла бы столько же, сколько на два вчерашних взгляда.

— Отправим второго гонца на свежей лошади, — решила она. — Он предупредит о двух мешочках и поедет через мостовую станцию без остановки.

— Это почти день, — сказала Олма.

— Да.

— Я поеду с ним.

— Ты нужна здесь для сбора следующего груза.

— В Кессене я нужна больше.

Лиара не стала приказывать. По новым правилам Олма представляла дворы, но не принадлежала совету. Они быстро нашли замену для сбора — лекарку Эну, пережившую осаду в Печах. Олма оседлала лошадь сама и уехала с короткой запиской, где каждое число было написано и словами, и цифрой.

Рисса вернулась перед сумерками без порошка.

Телега Келиса успела к речному спуску. Там четыре мешочка погрузили на лодку, уходящую не в Ларс, а вниз к трём деревням, где после осады испортились колодцы. Речники поняли два синих флага по-своему и решили, что груз предназначен воде у них.

— Лодку можно вернуть? — спросил Тевер.

— Против течения она будет идти до утра. Потом ещё полдня телегой назад. Быстрее найти другой порошок.

— Значит, четыре мешка украли.

Рисса шагнула к нему.

— В деревнях вода пахнет гарью и дохлой рыбой. Никто ничего не крал. Они получили груз по знаку, который мы сами подняли.

— Мы его не поднимали.

Ученик у доски побледнел. Его звали Дан, ему было семнадцать, и утром он носил первые копии сигналов по постам.

— Я отнёс старый лист, — сказал он. — Потом доску стёрли. Я думал, изменения только для площади.

— Кто приказал отнести? — спросила Лиара.

— Никто. Сказали, новые знаки надо раздать быстро.

— Кто сказал?

Дан посмотрел на людей вокруг и понял, что не сможет назвать одного. Эту фразу повторяли все.

Тевер первым произнёс то, чего ждали:

— Наказать.

— За что? — спросил Илья.

— За самовольство.

— У нас не было правила, какая копия действует. Он разнёс единственную, которую видел.

— Из-за него Кессен не получил лекарство.

— Из-за нас, — сказала Лиара. — Мы решили девять знаков до того, как решили, как отменять ошибочный.

Дан всё ещё держал шапку обеими руками.

— Я могу поехать за лодкой.

— Нет, — ответила Рисса. — Ты не повернёшь реку чувством вины.

— Тогда что мне делать?

Илья снял со стены старый лист. На нём не было ни номера, ни времени, ни имён тех, кто его составлял. Он выглядел как приказ именно потому, что ничем не выдавал свою временность.

— Поможешь собрать все копии. Не только этого листа. Любые записи сегодняшних знаков. Зачеркнём при свидетелях и оставим по одной в архиве с пометкой, почему отменили.

— Зачем оставлять ошибку?

— Чтобы через неделю кто-нибудь не нашёл лист под сундуком и снова не поднял два синих флага.

До ночи по городу ходили пары: один человек с перечнем мест, куда Дан успел зайти, второй — от другой стороны союза. Они сняли лист на северных печах, забрали копию у ворот, нашли ещё две в казарме и одну в лекарском доме. Шестая была уже испачкана мукой: повар подложил её под качавшуюся ножку стола.

На каждой написали: «Не действует. Два синих флага спутали лекарский запрос с речным грузом. Четыре мешочка ушли вниз по реке». Потом поставили время отмены.

Новые дощечки получили номер. Не красивый тайный знак, а обычную насечку: первая, вторая, третья. Действовала та, на которой большее число и подписи двух распространителей. Старые не сжигали молча. Их возвращали на площадь, чтобы люди видели, какая ошибка была исправлена.

— Вы строите писарское царство, — сказал Тевер.

— Нет, — ответил Илья. — Пытаемся сделать так, чтобы бумага не становилась царём без имени.

— В бою номера не прочтёшь.

— Поэтому тревога остаётся простой. Частый колокол означает опасность здесь и сейчас. Он не говорит, кто враг, сколько их и куда нести порошок.

— Слишком мало.

— Зато правда.

Поздно вечером от Келиса принесли пустые мешочки из-под прошлой партии. Мирана соскоблила со швов синий порошок, собрала едва горсть и велела искать сырьё для нового

помола. Нужная глина лежала у северного оврага, но после дождя дорогу развезло. Две повозки должны были выйти на рассвете с досками под колёса.

— Когда будет готово? — спросила Лиара.

— Если глина та, если жернова не заняты мукой и если хватит сухих дров — завтра ночью. Четыре мешочка, может, пять.

— До Кессена ещё день.

— Я умею считать дорогу.

Лиара приняла резкость без ответа. Мирана злилась не на неё. Хранительница привыкла, что синие вещества, жар и стекло подчиняются точным действиям. Теперь между действием и результатом стояли люди, каждый со своим значением синего цвета.

В полночь у восточных ворот зазвонил колокол. Не частая тревога — редкие одиночные удары. Просьба принять гонца.

Все на площади подняли головы. Простая договорённость сработала.

Гонец прибыл не из Кессена. Его прислала мостовая станция. Олма сменила там лошадь и оставила записку: нижний посёлок получил первые два мешочка; горячка не усилилась, но чистых повязок оказалось меньше, чем сообщали. Один ребёнок тяжёлый. Кессен просит не порошок любой ценой, а ещё повязки, кипяtilьные котлы и людей, умеющих ухаживать за больными.

Мирана прочла записку дважды.

— Значит, они не ждут четыре мешка?

— Уже не ждут, — сказала Лиара.

— А мы собирались гнать повозки в овраг ночью.

— Всё равно собираем. Три деревни у реки получили последнюю готовую партию. Запаса нигде нет.

Илья сел у лампы и положил рядом два сообщения. Первое требовало шесть мешочков. Второе — людей, ткань и котлы. Между ними прошёл один день и одна ошибка. Быстрая магическая связь могла бы уточнить запрос раньше. Но могла и закрепить первое решение так быстро, что никто не спросил бы, зачем именно нужны шесть.

— Мы должны отделять просьбу от решения, — сказал он.

— Простыми словами, — напонила Лиара.

— Кессен пишет, что случилось и чего не хватает. Не пишет нам, из какого склада что взять. Мы отвечаем, что отправили на самом деле, а не что собираемся отправить.

— И если ничего?

— Так и пишем: ничего.

— Хорошая новость для дружбы городов.

— Лучше плохая новость сегодня, чем воображаемая повозка завтра.

Лиара добавила к правилам две строки. «Не считать груз отправленным, пока он не вышел за ворота». «Не считать груз полученным, пока не пришло подтверждение места».

Рисса настояла на третьей: «Цвет ткани не означает одно и то же на разных дорогах».

Дан сам вырезал на новой дощечке номер четыре. Руки у него дрожали, и первая насечка вышла кривой.

— Переделать? — спросил он.

— Читается? — спросила Лиара.

— Да.

— Тогда оставь. Нам нужны не красивые ошибки, а заметные исправления.

Утром город разбудили не колокола, а колёса. Первая повозка везла к Кессену повязки и два больших котла. На козлах сидели Эна и ещё одна лекарка. На борту белой краской написали: «Два котла, двенадцать свёртков ткани, два человека». Та же строка была на дощечке у возницы и в журнале у ворот.

Вторая повозка пошла на север за глиной. Третья — к речным деревням проверить, куда попали четыре мешочка и хватило ли их на колодцы. Никто не пытался вернуть порошок, уже разведённый в воде.

Лиара поднялась на восточную башню. Вместо магической чаши там поставили стойку с двумя фонарями, корзину сухих флажков и жестяную трубу, усиливавшую голос на близком расстоянии. Стражник показал журнал. В каждой строке были время, увиденный знак и то, чего знак не сообщал.

— «Жёлтый флаг. Ждём гонца. Причина неизвестна», — прочитал Илья. — Хорошо.

— Звучит глупо, — сказал стражник.

— Потому и хорошо. Глупая правда редко отправляет лекарство в другую сторону.

С башни была видна мастерская Мираны. Две целые пластины лежали внутри, за двумя замками. За ночь ими не воспользовались ни разу. Но Лиара не чувствовала победы. Ребёнок в Кессене оставался тяжёлым, порошок задержался, две лекарки проведут день на разбитой дороге. Экономия стекла не возвращала потерянное время.

— Твер скажет, что был прав, — произнесла она.

— Частично был, — ответил Илья. — Быстрый голос полезен.

— Но?

— Но быстрый голос тоже может быстро сказать не то.

На дальнем посту поднялся жёлтый флаг. Стражник отметил время и не стал гадать о причине. Через несколько минут из-за холма показалась повозка. Возница поднял дощечку с крупной четвёркой.

Сообщение двигалось медленно. Теперь город хотя бы видел, где именно оно находится.

Глава 3. Хранители приходят ночью

Трое хранителей вошли в Старые Печи после полуночи, и ни один колокол не предупредил об их приближении.

Их заметил Дан. После истории с синими флагами он сам вызвался сидеть на западной башне до рассвета и записывать всё, что покажется на дороге. Ночь стояла безлунная, фонари вдоль стены погасили ради экономии масла, поэтому сначала он увидел только три бледные полосы, скользившие над землёй. Полосы двигались ровно, не дрожали от ветра и не отставали от всадников.

Дан потянулся к колокольной верёвке, но вспомнил новое правило. Частый бой означал опасность здесь и сейчас. Он не знал, опасны ли люди на дороге. Редкие удары просили принять гонца, а гонца никто не присылал.

Он разбудил старшего стражника.

Тот посмотрел в жестяную трубу, выругался и велел бить тревогу.

— Они ещё за внешним рвом, — возразил Дан. — Идут медленно. Знамени нет. Оружия не видно.

— Свет видишь?

— Вижу.

— Значит, маги.

— Маги — это опасность?

Стражник уже держал верёвку, но вопрос остановил его. Вчера за неверный знак едва не наказали Дана. Сегодня мальчишка требовал от каждого слова той точности, которой ему самому не дали.

— Пока нет, — нехотя признал стражник. — Зови Лиару. И Мирану. Ворота не открывать.

Лиара пришла первой, в куртке поверх рубахи и с небрежно собранными волосами. Меч она пристегнула на ходу. За ней поднялся Илья, ещё не до конца проснувшийся, но уже с книжкой для записей под мышкой. Мирана появилась последней. Она успела одеться аккуратно и только босые ноги в мягких туфлях выдавали спешку.

Три полосы приблизились к мосту. Теперь стало видно, что каждый всадник везёт перед собой узкую стеклянную пластину в медной раме. От пластин исходил холодный белый свет, освещавший поводья, перчатки и спокойные лица.

— Они тратят заряд на дорогу, — тихо сказал Илья.

— Они показывают, что могут его тратить, — ответила Мирана.

Средняя всадница подняла руку. Свет вокруг её пластины сжался в точку, затем трижды вспыхнул.

Мирана вздрогнула раньше, чем успела скрыть это.

— Знаешь знак? — спросила Лиара.

— Совет хранителей просит безопасного входа. Трое, без свиты. Переговоры до рассвета.

— А если мы не ответим?

— Они будут ждать.

— Если откажем?

— Уедут. По старому правилу.

Лиара посмотрела вниз. За мостом могла стоять сотня людей без светящихся пластин. Ночь скрывала и пустую дорогу, и засаду одинаково хорошо.

— Верат, пошли двоих через каменоломню. Пусть осмотрят склон и дальний поворот. Без огня. Ворота откроем, когда вернутся.

— Они сочтут задержку оскорблением, — сказала Мирана.

— Это переживут. Мы пережили их отсутствие.

Снизу снова вспыхнули три огня. Мирана не ответила.

Илья прислонился к холодному зубцу стены. В Москве свет в ночном окне означал только, что кто-то не спит. Здесь свет мог быть письмом, оружием, титулом и угрозой. Трое приезжих расходовали за несколько минут столько накопленного тепла, сколько Старые Печи теперь считали по мерам. Они не выкрикивали своего богатства. Они просто держали его перед собой.

Разведчики вернулись через четверть часа. На склонах никого не нашли, на дальней дороге видели следы только трёх лошадей. Лиара велела открыть малую створку, не опуская мост целиком. Гости спешили и прошли по одному. Пластины они оставили в рамах у седла, но у каждой на шее висел круглый осколок в серебряной оплётке.

Первым вошёл худой мужчина с обветренным лицом. Он назвался Кастом из северной палаты. Второй была невысокая женщина средних лет, Лейна, ведавшая мерными мастерскими столицы. Третья сняла капюшон, и Мирана произнесла прежде, чем гостя успела представиться:

— Севра.

В имени не было ни радости, ни вопроса. Только старая привычка ученицы, вызванной к столу наставницы.

Севра оказалась старше, чем ожидал Илья, но не выглядела хрупкой. Седые волосы она заплела в тугую косу, на левой щеке тянулся гладкий блестящий след старого ожога. Её дорожный плащ был запылён, зато руки в тонких серых перчатках оставались безупречно чистыми.

— Ты всё-таки открыла западный счёт, — сказала она Миране вместо приветствия.

— Мы открыли запас тем, кому он принадлежит.

— Запас никогда не принадлежит тому, кто не умеет распознать трещину.

— Теперь они хотя бы знают, сколько у них трещин.

Севра едва заметно улыбнулась.

— Значит, не зря учила спорить после подсчёта, а не до него.

Лиара провела гостей не в дом совета, а в пустую весовую у западных ворот. Там не было ни карт, ни журналов, ни дверей в подземные хранилища. Рисса принесла лампы и поставила на стол кувшин воды. Верат остался у входа. Ещё двое стражников заняли двор, не прячась.

— Мы просили переговоров до рассвета, — заметил Каст.

— До рассвета далеко, — ответила Лиара.

— Без свидетелей.

— Такого знака Мирана не назвала.

Каст посмотрел на хранильницу.

— Она назвала правильно, — сказала Севра. — Совет просил безопасного входа. Тайну ты добавил сам.

— Предложение касается запасов.

— Тогда тем более его услышат те, кто запасами пользуется, — сказала Лиара. — На рассвете соберём представителей пяти сторон.

Лейна поставила на стол небольшой футляр. Когда крышка поднялась, в войлочных гнёздах показались шесть пластин размером с ладонь. Чистые, без мути и видимых трещин. Воздух над ними чуть дрожал от накопленного тепла.

Илья почувствовал, как в комнате изменилось дыхание. Верат у двери подался вперёд. Рисса перестала наливать воду. Даже Мирана, которая должна была знать цену увиденного лучше всех, не смогла сразу отвести взгляд.

Шесть малых пластин. Не хватит надолго. Но с ними можно предупредить заставу, проверить дорогу, вызвать помощь к раненым. Можно выиграть часы там, где вчера теряли день.

— Дар? — спросила Рисса.

Каст усмехнулся.

— Подтверждение возможностей.

— Свет на дороге был подтверждением, — сказал Илья. — Это цена.

Лейна закрыла футляр.

— Хорошо. Цена проста. Совет хранителей признаёт пять городов законным союзом ремесленных общин и берёт под защиту их печи. Мы восстанавливаем ежемесячную поставку заряженных пластин, начинаем с этих шести и присылаем мастеров для осмотра старого оборудования. Взамен всё пригодное стекло передаётся единому надзору Совета. Варка, зарядка, ремонт и распределение проводятся только признанными хранителями.

— То есть вами, — сказала Лиара.

— Теми, кто прошёл обучение.

— У вас.

— Иначе обучение невозможно проверить.

Мирана не сводила глаз с футляра.

— Какой срок поставки?

— Первый запас сейчас, — ответила Лейна. — Следующий через двадцать дней. Потом по расходу, утверждённому палатой.

— Какому расходу?

Каст достал сложенный лист.

Список был написан заранее. По две дальние передачи в месяц для каждого города. Один лечебный нагрев. Один осмотр дороги в случае подтверждённого движения войска. Запрещалось применять пластины для разведки запасов, ремесленных опытов и связи между выборными советами без согласия хранителя. В военное время Совет мог забрать весь резерв в место, которое считал безопасным.

Рисса дочитала и положила лист на стол.

— Вы признаете нас законным союзом, а разговаривать друг с другом мы сможем с вашего разрешения?

— Разговор не требует магии, — сказал Каст. — У вас есть гонцы.

— Когда магия нужна вам, она становится защитой. Когда нам — прихотью.

— Когда она нужна нам, мы отвечаем за последствия.

— За задержанное лекарство вы тоже ответите?

— Если запрос был составлен по правилам.

Илья увидел, как Лиара сжала пальцы на краю стола. Она не любила фразы, в которых человеческая беда превращалась в неверно заполненную строку.

— Кто решает, что запрос подтверждён? — спросила она.

— Дежурный хранитель.

— Где он находится?

— При центральном запасе.

— В каком городе?

На этот вопрос Каст не ответил сразу.

— Место определяется безопасностью.

— Значит, не в одном из пяти.

— Возможно, в Старых Печах, если здесь восстановят надлежащий порядок.

Севра до сих пор почти не участвовала. Она сняла перчатку и коснулась ожога на щеке, будто проверяя старую боль.

— Мы приехали не отнимать ваши две пластины ночью, — сказала она. — Если бы Совет хотел только этого, он дождался бы войска Тарвена и предложил помощь победителю. У нас есть сведения: северные склады регента получили приказ не отпускать союзу кварцевый песок,

белую глину, медную проволоку и древесный уголь. Перевозчиков будут лишать разрешений. Мостовые сборы для ваших повозок увеличат втрое.

— Это уже началось, — сказала Рисса.

— Тогда вы знаете, что обычные дороги тоже кому-то принадлежат.

— И предлагаете ещё одну дорогу с воротами, ключ от которых у вас.

— Предлагаю не делать вид, будто опасного знания не существует. Плохая варка убивает не хуже стрелы.

Севра повернулась к Миране.

— Ты помнишь красную мастерскую?

Мирана наконец оторвала взгляд от футляра.

— Помню.

— Расскажи им.

— Это не относится к договору.

— Относится ко всякому договору, в котором люди требуют права варить стекло.

В комнате ждали. Мирана могла отказаться, и Илья почти хотел, чтобы она отказалась: приказ наставницы был слишком привычным. Но она заговорила.

— В красной мастерской ученик решил, что слой уже остыл. Верх был холодным, внутри оставался жар. Он перенёс пластину на медную решётку и начал зарядку. Стекло разорвало. Двое погибли сразу, ещё трое умерли от ожогов.

— Сколько тебе было? — спросила Лиара.

— Девятнадцать.

— Ты была там?

— За стеной.

Севра снова надела перчатку.

— Я вытащила её через окно. Поэтому у нас есть порядок допуска. Не ради серебряных знаков на воротнике.

Каст посмотрел на неё с недовольством. Наверное, Совет предпочитал другие объяснения своего права: вековую службу, закон, верность престолу. Севра выбрала мёртвых учеников.

— Ваш порядок не остановил взрыв, — сказал Илья.

— После него остановил ещё десятки.

— Потому что вы записали ошибку?

— Потому что запретили зарядку без проверки сердцевины.

— Как проверяют сердцевину?

— Не здесь.

— Вот и весь договор, — тихо сказал он. — Вы приводите опасность как довод, но способ не повторить её оставляете у себя.

Севра посмотрела на него внимательнее.

— Ты тот человек с другой стороны?

— Илья.

— Реставратор карт.

— Был им.

— Тогда должен понимать цену неполного знания. Половина карты ведёт в пропасть.

— Понимаю. Поэтому карту надо дополнять, а не запираť вместе с дорогой.

— Красивый ответ человека, который не держал в руках перегретое стекло.

— Не держал. И не собираюсь учить варке вместо Мираны. Но я видел документы, которые объявляли себя полными только потому, что рядом не оставили другой копии.

Лейна нетерпеливо постучала ногтем по футляру.

— До рассвета осталось меньше трёх часов. Совет не требует ответа сейчас. Оставьте залог у себя, соберите представителей, прочитайте условия.

— Какой залог? — спросила Лиара.

— Шесть пластин.

— Если мы откажемся?

— Вернёте.

— Заряженными?

— В том состоянии, в каком приняли.

— Значит, пользоваться ими нельзя.

— До решения — нет.

Рисса фыркнула.

— Очень полезная помощь. Можно смотреть на неё, пока гонец ломает лошади ноги.

Но Мирана протянула руку к футляру.

— Я проверю их перед приёмом.

Лейна отодвинула коробку.

— Только признанный хранитель.

— Я признана западной палатой.

— Была. После открытого пересчёта твой знак приостановлен.

Мирана побледнела.

Новость ударила сильнее угрозы регента. Илья понял это по тому, как она выпрямилась. Печать хранительницы давала не только власть. Она подтверждала годы учёбы, пережитые ожоги, право прикасаться к тому, что другим запрещали. Теперь невидимые люди в столице вычеркнули всё одним решением.

— Когда? — спросила она.

— Три дня назад, — ответил Каст. — Уведомление шло с нами.

— То есть вы везли предложение человеку, которого уже лишили права его проверить.

— Мы везли предложение пяти городам.

Севра положила ладонь на крышку футляра.

— Я проверю при ней. Все шесть. И назову показания вслух.

Каст резко повернулся к ней.

— Такого поручения не было.

— Запрета тоже.

— Показания Совета не предназначены для общего журнала.

— Тогда забирайте коробку, — сказала Лиара. — Непроверенный залог мы не примем.

Несколько ударов сердца никто не двигался. Потом Севра придвинула футляр к себе и достала первую пластину.

Проверку перенесли во двор, подальше от деревянных стен. Мирана велела принести медную чашу с сухим песком, две длинные щипцы и войлочную подкладку. Севра одобрила всё молчаливым кивком. Лейна записывала результаты в собственную книгу. Илья — в свою. Каст стоял у ворот и явно считал происходящее первой уступкой, которую придётся объяснять Совету.

Севра не пользовалась магическим мерником. Она согревала каждую пластину над маленькой масляной лампой, проводила по краям тонкой медной иглой и слушала звук. Потом помещала стекло в раму с тремя подвешенными грузиками. Нити отклонялись по-разному.

— Первая: сорок две меры при мягком отклике, — произнесла она.

Мирана повторила число. Илья записал.

— Вторая: сорок одна.

— Почему меньше? — спросил он.

— Толщина края, — ответила Мирана раньше наставницы. — Полезный слой уже.

Севра не поправила.

Третья дала сорок три, четвёртая — сорок. На пятой игла звякнула глуше.

Мирана подняла руку.

— Ещё раз левый угол.

— Я слышала, — сказала Севра.

Она повторила касание. Глухой призыв был едва заметен.

— След старого напряжения, — сказала Мирана. — Не трещина. Но для дальнего взгляда я бы не брала.

Лейна нахмурилась.

— Пластина прошла столичную проверку.

— Когда?

— Двенадцать дней назад.

— На тёплой дороге она лежала рядом с рамой. Видите потемнение войлока?

Севра перевернула пластину. На подкладке действительно осталась узкая серая полоса.

— Тридцать восемь мер, только передача, — решила она. — Отметить угол. Проверять после каждого применения.

Лейна записала не сразу.

Шестая оказалась чистой и самой сильной — сорок четыре меры. Всего двести сорок восемь, если верить способу Совета. Меньше, чем одна из двух больших пластин союза, но достаточно, чтобы соблазн стал весомым.

— Теперь залог проверен, — сказала Севра.

— И уже не в том состоянии, в каком прибыл, — заметил Илья. — Проверка расходует запас?

— Эта почти нет.

— Почти — сколько?

— Меньше половины меры на все.

— Запишем половину.

— Запиши, что не умеешь её измерить.

Он так и сделал: «Проверка израсходовала неизвестно сколько, по оценке Севры — менее половины меры».

На рассвете в весовую пришли представители пяти сторон. Некоторые явились прямо с дежурств, в плащах поверх рабочей одежды. Тевер увидел футляр и сразу спросил, сколько там. Мирана назвала каждое число, включая слабый угол пятой пластины и неизвестный расход проверки.

Каст прочитал предложение Совета торжественно, как будто уже провозглашал договор. За окнами просыпался город: скрипели телеги, перекликались печники, кто-то ругал осла. Обычные звуки делали слова о едином надзоре ещё более чужими.

Первым заговорил представитель Кессена.

— У нас тяжёлый ребёнок и семеро больных. Если одна пластина поможет врачам связаться с Олмой, я не имею права отказаться ради красивой свободы.

— Она поможет передать слова, — сказала Лиара. — Не вылечит ребёнка.

— Слова лекаря иногда лечат лучше пустой повозки.

— Тогда спросим Олму, что ей нужно передать, и сколько это изменит.

— Пока спросим, пройдёт день.

Тевер поддержал его:

— Мы не обязаны любить Совет. Возьмём снабжение, переживём зиму, потом изменим условия.

— Как? — спросила Рисса. — Когда все наши осколки, книги и печи будут под их замками?

— Замки можно открыть.

— А голодного ребёнка воскресить нельзя, я слышала.

Спор быстро стал похож на спор о последней лодке. Каждый видел свою воду глубже чужой. Ларсу нужна была связь по реке. Белому Яру — предупреждение о коннице. Кессену — лекарские передачи. Старым Печам — защита мастерских. Представитель горных посёлков сказал, что без дальнего взгляда они не узнают о перекрытой дороге, пока обоз не вернётся.

Севра слушала без торжества. Каст, наоборот, становился спокойнее с каждой новой нуждой. Их предложение работало именно потому, что не было выдуманной угрозой. Людям действительно требовалось стекло.

Илья раскрыл список условий.

— Здесь написано: Совет может забрать весь резерв в военное время. Регент уже объявил союз мятежным. Для Совета сейчас военное время?

Каст сложил руки.

— Это определит палата безопасности.

— Когда?

— По обстоятельствам.

— То есть шесть пластин могут увезти завтра.

— Если возникнет угроза захвата.

— Тарвен и есть угроза захвата.

— Поэтому вам нужна наша защита.

— Защита, которая уедет из-за причины, по которой понадобилась.

Представитель Ларса потребовал вписать запрет на вывоз. Лейна отказалась. Тогда предложили держать запас в пяти местах. Каст сказал, что разделение затруднит проверку. Твер предложил двух хранителей от Совета и двух от городов. Каст спросил, кто признает городских. Разговор вернулся к началу.

Мирана молчала, пока Севра не обратилась к ней прямо.

— Ты знаешь, почему запас нельзя отдать пяти неопытным рукам.

— Знаю, — ответила Мирана.

Твер стукнул ладонью по столу.

— Тогда скажи это им.

Она посмотрела на представителей, потом на шесть пластин.

— Нельзя раздать их без учёта, проверки и правил остановки. Нельзя заряжать треснувшее стекло, только потому что страшно остаться без связи. Нельзя учиться отжигу в жилом доме. Нельзя скрывать несчастный случай ради доверия к мастерской.

Каст кивнул, но слишком рано.

— И нельзя, — продолжила Мирана, — давать одному Совету право решать, кто получит знание, а кто останется просителем. Меня учили беречь людей от стекла. Потом убедили, будто для этого надо беречь стекло от людей. Это не одно и то же.

Севра опустила глаза.

— Красная мастерская не стала менее мёртвой от красивых слов.

— Нет. Но после неё вы спрятали не только опасный шаг. Вы спрятали отчёт. Нам рассказывали, что ученик нарушил порядок. Не рассказывали, что мерная нить накануне дважды дала разный угол и старший мастер всё равно велел продолжать варку.

Впервые Севра потеряла спокойствие.

— Кто тебе сказал?

— Я нашла черновик в старой книге ремонта. Ты сама научила читать зачёркнутое.

Лейна захлопнула свой журнал.

— Частный случай двадцатилетней давности не относится к снабжению союза.

— Относится, — сказала Мирана. — Если право проверять принадлежит только тем, чью ошибку нельзя проверить.

За столом стало тихо. Илья подумал о старых картах, где поздняя краска закрывала прежнюю границу. Иногда переделка исправляла ошибку. Иногда прятала её. Узнать можно было лишь тогда, когда сохранялись оба слоя.

Лиара подвинула футляр к середине стола.

— Мы не примем договор сегодня. И не возьмём залог, который нельзя использовать. Но вы приехали ночью не только ради чтения условий. Что случится до следующей ночи?

Каст выдержал паузу.

— Ничего, если вы согласитесь.

— Это угроза?

— Предупреждение. На северной дороге задержан караван серого песка. Его отпустят под поручительство Совета. Без нас груз признают военным имуществом мятежников.

— Чей караван? — спросила Рисса.

— Частных возчиков.

— Имена?

— У меня нет списка.

— Где задержан?

— У Сухого моста.

Лиара велела принести карту. Сухой мост находился в полутора днях пути, на земле, которую регент ещё не занял открыто. Оттуда шла одна из дорог к речной отмели. Серый песок мог быть обычным строительным грузом, сырьём для стекла или приманкой.

— Откуда вы узнали? — спросила она.

Каст коснулся осколка на шее.

— У Совета сохранилась связь.

— И вы предлагаете купить ею сведения о препятствиях, которые сами можете убрать.

— Мы предлагаем место в порядке, который ещё работает.

— Порядок работает для тех, у кого есть место.

Севра встала.

— Ответ передадите через Мирану.

— Её знак приостановлен, — напомнил Илья.

Каст недовольно поджал губы.

— Через старый приёмный осколок. Он всё ещё у неё.

— Значит, для обязанностей она недостаточно хранительница, а для вашего ответа достаточно.

Севра посмотрела на Мирану.

— Разбей осколок, если хочешь порвать связь окончательно.

— Ты разбила свой, когда ушла от наставницы? — спросила Мирана.

— Нет.

— Почему?

— Потому что однажды позвала её на помощь.

Севра не объяснила, пришла ли наставница. Она закрыла футляр, но пятую пластину завернула отдельно и отметила на ткани слабый угол. Этот маленький жест был честнее большей части переговоров.

Гостей проводили за ворота уже при дневном свете. Белые полосы снова зажглись над дорогой. Теперь они казались не волшебством, а расходом, который кто-то мог себе позволить.

Совет пяти сторон остался в весовой. На столе лежали условия, карта и пустое место от футляра.

— Мы отказались от двухсот сорока восьми мер, — сказал Тевер.

— Мы отказались пока, — поправил представитель Кессена. — Если ребёнку станет хуже, я потребую нового голосования.

— Потребуешь, — согласилась Лиара. — И мы будем голосовать, зная цену.

— Цену знаем. Она уехала.

— Нет. Цена осталась на листе.

Илья перечитал условия ещё раз. Ежемесячная поставка выглядела спасением, пока не замечаешь, что Совет определял и месяц, и потребность, и место хранения, и право прекратить помощь. Но отказаться было легче в комнате, где никто не задыхался от горячки и не ждал врага у ворот.

— Надо проверить караван, — сказала Лиара. — Не спасать песок любой ценой. Узнать, есть ли он, кто его везёт и кто задержал.

— Без пластины? — спросил Тевер.

— Без неё.

Она назначила двух разведчиков и одного человека от речных возчиков. Они должны были выйти разными дорогами, не приближаться к мосту вместе и вернуться с именами, числами и увиденными знаками. Если караван окажется настоящим, совет решит, сопровождать ли его.

Мирана задержалась у двери. Солнце падало на её пустой воротник, где раньше крепился знак западной палаты.

— Ты знала про приостановление? — спросил Илья.

— Догадывалась, что будет взыскание. Не думала, что так быстро.

— Севра привезла удар вместе с помощью.

— Она всегда так учила. Сначала показывает правильный инструмент. Потом объясняет, почему ты недостойна его держать.

Лиара подошла сзади и обняла Мирану за плечи — коротко, не оставляя ей времени отстраниться.

— Здесь право проверять пластину у тебя не потому, что столица повесила знак.

— А потому что вы мне доверяете?

— Нет. Потому что мы можем увидеть, как ты проверяешь, записать число и спросить, если не совпало. Доверие пригодится после проверки.

Мирана рассмеялась, хотя глаза у неё блеснули.

— Умеешь утешить.

— Учусь у Ильи.

— Я бы сказал мягче, — возразил он.

— Поэтому тебя и не спросили.

Они вышли во двор. Дан снимал ночную запись со стены башни. В ней было написано: «Три огня. Причина неизвестна. Ворота закрыты. Посланы разведчики». Ни слова о страхе, Совете или шести пластинах. Только то, что он действительно видел.

На последней строке Дан добавил: «Гости ушли. Три огня. Направление — север».

Лиара попросила оставить место ниже.

— Для чего? — спросил он.

— Для тех, кто вернётся от Сухого моста.

— А если не вернутся?

— Тогда так и напишем.

Дан провёл черту и оставил пустую строку.

Город снова жил без быстрого голоса. Теперь он знал, что голос можно купить. И впервые увидел цену не только в мерах стекла.

Глава 4. Цена одного огня

К полудню у последней целой пластины оказалось семь хозяев.

Так её называли все, хотя в запертом ящике лежали две. Северную уже проверяли и расходовали; на ней оставалось двести семьдесят две меры. Речную берегли нетронутой, словно само отсутствие царапин делало её вечной. Когда говорили «последняя», имели в виду именно её — ту, которую ещё можно было представить полной.

Первым пришёл Теве́р. Он потребовал перенести Речную пластину к западным воротам. Разведчики сообщили о свежих следах конницы возле старого мелового карьера, и ворота могли не выдержать таран.

— Стекло не укрепляет петли, — сказала Мирана.

— Зато нагреет чаши над проходом.

— Один раз. Потом чаши остынут.

— Один раз может быть тем самым.

Через четверть часа лекарка Эна прислала дощечку с восточной дороги. В Кессене тяжёлый ребёнок начал задыхаться. Олма просила короткую связь с лекарским домом Старых Печей: ей нужно было уточнить, можно ли дать настой из горького корня вместе с жаропонижающим.

Почти одновременно вернулся первый разведчик от Сухого моста. Караван серого песка существовал. Восемь повозок стояли на северном берегу, возчиков удерживали люди без знамён. Разведчик не смог определить их число. Он просил дальний взгляд с башни, пока задержавшие не спрятались в лесу.

Потом Ларс потребовал предупредить речные деревни о двух лодках с вооружёнными людьми.

Белый Яр хотел проверить, не перекрыта ли южная дорога.

Горные посёлки напомнили, что их гонец не вернулся со вчерашнего вечера.

Седьмым хозяином оказался Дан. Он принёс журнал расхода и сказал, что по новым правилам без него ящик не откроют: второй ключ сегодня был у представителя смены, а представитель ушёл проверять северный склад.

— Я не хозяин, — испуганно добавил он.

— Сейчас ты единственный, кто знает, где ключ, — сказала Рисса. — Это почти одно и то же.

Совет собрался в мастерской Мираны. После ночных гостей никто не успел выспаться. На столе лежали четыре дощечки, карта и письмо Олмы. Речная пластина оставалась за стеной, но спор уже нагревал комнату сильнее печи.

— Лечение важнее разведки, — сказал представитель Кессена. — Тут нечего обсуждать.

— Связь не лечит, — ответил Теве́р. — А если конница войдёт в город, лекарский дом сгорит вместе с настоями.

— Конницу ещё никто не видел.

— Следы видели.

— Следы не кашляют кровью.

— Ребёнок тоже не здесь. Мы даже не знаем, жив ли он сейчас.

Представитель Кессена вскочил. Лиара успела положить ладонь между ним и Теве́ром, не касаясь ни одного.

— Ещё одно слово про ребёнка как про довод — выйдешь, — сказала она Теве́ру.

— Тогда как считать? Кто плачет, тот и получает стекло?

— Вот это нам и надо решить.

Мирана написала на отдельных клочках: «Кессен», «ворота», «караван», «река», «южная дорога», «горный гонец». Под каждым поставила примерный расход. Короткая передача в Кессен — от четырнадцати до семнадцати мер, если восточная чаша примет сигнал. Дальний взгляд к Сухому мосту — не меньше двенадцати, но результат зависел от облаков и положения наблюдательной рамы. Нагрев воротных чаш съел бы около двадцати за несколько минут. Предупреждение деревням потребовало бы десять, проверка южной дороги — девять. Горный посёлок находился за складкой хребта; связь туда могла забрать двадцать пять и всё равно не пройти.

— Всего девяносто три, — подсчитал Дан.

— Если всё сработает с первого раза, — сказала Мирана.

— На Речной больше трёхсот.

— Вчера было больше трёхсот. Мы её не проверяли сегодня.

— Тогда хватит.

— Сегодня — да, — сказал Илья. — А завтра появятся ещё семь хозяев.

Тевер провёл пальцем по карте.

— Для того стекло и хранят, чтобы пользоваться.

— Верно. Но «пользоваться» не отвечает на вопрос «когда».

— Ты предлагаешь ждать настоящего нападения? Тогда смотреть будет поздно.

— Я пока ничего не предлагаю.

Илья взял чистый лист. Ему хотелось нарисовать привычную таблицу: вероятность, ущерб, расход, время. На Земле такая запись выглядела бы разумно. Здесь любое число было бы догадкой, переодетой в знание. Никто не мог поставить точную вероятность рядом с больным ребёнком или следами конницы.

Он написал шесть вопросов обычными словами.

Что случится, если ничего не делать до вечера?

Можно ли потом исправить потерю?

Поможет ли стекло само или только даст сведения?

Есть ли другой путь получить те же сведения?

Кто подтверждает исходные слова?

Кто увидит результат?

— Опять писарское царство, — сказал Тевер.

— Нет. Попытка не спорить словами «важнее» и «страшнее». Они подходят ко всему.

Начали с ворот. Если до вечера ничего не делать, возможная конница могла приблизиться. Исправить нападение после прорыва было нельзя. Но стекло не останавливало всадников само по себе: оно нагревало чаши над узким проходом, заставляя атакующих отступить от первого ряда. Ворота можно было усилить брёвнами, перед ними — разобрать настил и залить канаву водой. Следы подтверждал один дозорный. Результат магического нагрева увидел бы весь город, но слишком поздно для второго решения.

— Значит, воротам отказать? — спросил Тевер.

— Значит, начать брёвна сейчас, — сказала Лиара. — Чаши оставить на случай настоящего штурма.

— А кто скажет, что он настоящий?

— Люди на стене. Не следы у карьера.

Караван серого песка. До вечера задержавшие могли увести возчиков и груз. Потерянный песок можно было добыть снова, людей — нет. Дальний взгляд, если сработает, покажет дорогу сверху, но не назовёт имён и намерений. Уже шли ещё два разведчика. Один должен был наблюдать северный берег, второй — искать семьи возчиков и владельца груза.

— Ждём их, — решила Лиара. — До возвращения пластину не тратим.

— А если к тому времени караван уйдёт? — спросила Рисса.

— Тогда взгляд на пустую дорогу его не вернёт.

С рекой оказалось проще. Две лодки заметили рыбаки. Вооружённые люди купили у деревни хлеб и пошли вниз по течению, никого не тронув. Оповестить деревню можно было обычной лодкой, которая уже готовилась выйти.

Южную дорогу проверял конный дозор. Горного гонца искали двое встречных. Два требования сняли не потому, что были неважны, а потому, что стекло не давало там незаменимого результата.

Остался Кессен.

Мирана прочитала письмо Олмы вслух. Ребёнку было семь лет. Жар немного снизился, но дыхание стало тяжёлым. Олма нашла два настоя; один применяли при подобной горячке, другой облегчал спазм. Вместе их обычно не давали. Она просила совета Эны, которая три года работала в болотных посёлках.

Эна сидела тут же. Она попросила повторить описание дыхания.

— «Короткое, со свистом на выдохе. Губы обычного цвета. Боль справа под рёбрами», — прочитал Илья.

— Когда это записано?

Дан сверился с отметкой гонца.

— Вчера после заката.

— Сейчас всё могло измениться.

— Поэтому нужна связь, — сказал представитель Кессена.

— Связь передаст новый вопрос, — ответила Эна. — Я всё равно не услышу грудь и не увижу ребёнка.

— Но можешь сказать про настои.

— Могу. Горький корень не давать вместе с жаропонижающим. Настой от спазма — только если губы не синеют и ребёнок может глотать. Если синеют, настой не поможет. Нужен человек, который умеет освобождать дыхание и следить всю ночь.

— Это ты?

— Я.

До Кессена верхом был день с лишним. Связь могла доставить совет за минуты. Но совет опирался на вчерашнее состояние.

— Передадим запрет смешивать, — сказал представитель Кессена. — Это уже спасёт.

— Возможно, — сказала Эна. — Или они уже дали оба.

Слово «возможно» никого не удовлетворило.

Илья вернулся к своим вопросам.

— Если до вечера ничего не делать, что нельзя будет исправить?

— Ребёнок может умереть, — ответили сразу двое.

— Поможет ли стекло само?

— Нет, — сказала Эна. — Но быстрое предупреждение может не дать навредить.

— Есть ли другой путь с той же скоростью?

Никто не ответил.

— Кто подтверждает исходные слова?

— Олма.

— Кто увидит результат?

— Она же.

Тевек откинулся к стене.

— Значит, лекарям всегда первое место. У них на каждый день найдётся необратимость.

— Не всегда, — сказал Илья. — Если бы они просили узнать, сколько осталось повязок, гонец был бы достаточен. Здесь вопрос не в том, что лечение важнее ворот. Вопрос в том, что совет нужен до следующей дозы, а брёвна можно поставить до появления конницы.

— А караван?

— Пока взгляд даст сведения, которые добывают разведчики. Если узнаем, что возчиков собираются казнить через час и увиденное поможет их вывести, решение изменится.

Лиара медленно кивнула.

— Не ранжировать людей. Считать, какое последствие после промедления уже нельзя исправить. И проверять, меняет ли стекло действие, а не просто успокаивает нас.

Фраза понравилась не всем. Она не обещала справедливости. Она только запрещала прикрывать привычкой расход, который ничего не менял.

Мирана достала два ключа. Второй представитель смены уже вернулся со склада. Ящик открыли при всех, но взяли Северную пластину, не Речную.

— Почему её? — спросил Дан.

— Она уже проверена сегодня утром, — ответила Мирана. — Речную пришлось бы проверять, тратить время и малую долю заряда. Целостность Северной известна.

Пластину понесли не на башню, а в мастерскую связи. Восточная чаша была повреждена, поэтому Мирана выбрала старую раму у печного двора. Она могла послать узкий письменный сигнал, но не держать живой разговор долго. Эна составила сообщение сама.

«Не смешивать горький корень с жаропонижающим. Настой от спазма только при обычном цвете губ и если глотает. Ответьте: цвет губ, может ли говорить, что уже дали».

Илья предложил добавить: «Эна выехала».

— Я выезжаю? — спросила лекарка.

— Ты сказала, нужен человек.

— Сказала.

Она подумала, потом кивнула.

— Тогда пиши. Но повозка не нужна. Дайте лошадь и смену у моста.

Лиара распорядилась готовить двух всадников. Один должен был сопровождать Эну и возвращать лошадей на станциях.

Мирана закрепила пластину в раме. Её руки двигались уверенно, но Илья заметил, что перед первым касанием она посмотрела на пустое место у воротника. Совет мог приостановить знак, не отняв навык. Однако тело ещё ждало разрешения от серебряного кружка, которого больше не было.

— Готова? — спросила Севра её голосом из памяти, или Илье только показалось.

— Готова, — ответила Мирана вслух.

Тепло от малой печи прошло через медную дугу. В стекле вспыхнула тонкая золотая жила. Буквы на листе потемнели, будто их обвели горячей иглой, и исчезли одна за другой. Северная пластина помутнела по краям.

Ответ пришёл через несколько минут. На чистом листе проступили неровные строки.

«Губы обычные. Говорит по слову. Дали только жаропонижающее. Горький не давали. Настой от спазма не давали. Ждём Эну».

Внизу Олма добавила: «Спросили вовремя».

Представитель Кессена сел и закрыл лицо руками.

Мирана измерила остаток. Передача и ответ забрали шестнадцать мер. На Северной осталось двести пятьдесят шесть.

— Запишите не «спасли ребёнка», — сказала Эна, затягивая дорожную сумку. — Мы пока ничего не спасли. Запишите: не дали два настоя вместе, состояние на этот час такое-то, я выехала.

Дан записал точно.

Не успели закрыть журнал, как вернулся второй разведчик от Сухого моста. Он привёл с собой девочку лет шестнадцати, дочь одного из возчиков. Она знала владельца всех восьми повозок и показала договор на доставку песка в Старые Печи. Груз был настоящий.

— Людей держат? — спросила Лиара.

— Не дают перейти мост, — ответил разведчик. — Оружие отобрали, но не связали. Двенадцать стражников в серых плащах. Ещё, может, шестеро в доме сборщика.

— Знамена?

— Нет. На пряжках знак Тарвена, сточенный ножом.

— Караван могут увести?

Девочка сжала договор.

— Утром сказали: к завтрашнему полудню либо поручительство хранителей, либо песок считается изъятым. Возчиков отпустят пешком.

Значит, немедленной казни не было. Людей не собирались увозить сейчас. Но к следующему полудню союз лишался груза, который мог понадобиться для новой варки.

— Теперь тратить на взгляд? — спросил Твер.

Лиара покачала головой.

— Мы уже знаем больше, чем увидели бы сверху. Двенадцать снаружи, до шести внутри, знак Тарвена, срок до полудня. Стекло не скажет, как провести повозки через мост.

— Тогда что скажет?

— Возчики, мостовой сборщик и дорога ниже по течению.

Она отправила Риссу проверить старый брод и велела собрать людей, которые умели разгружать повозки быстро. Не для боя — пока не для боя. Если мост перекрыт, песок можно было перенести мешками на лодки или другие телеги. Восемь повозок превращались из одной большой цели в сотни тяжёлых грузов.

— А если серые нападут? — спросила дочь возчика.

— Тогда будем решать, как выводить людей, — сказала Лиара. — Песок не стоит их жизни.

— Отец так не скажет.

— Поэтому решение не ему одному.

К вечеру брёвна легли поперёк западных ворот. Эна уехала в Кессен. Лодка с предупреждением пошла вниз по реке. Южный дозор сообщил, что дорога свободна. Горного гонца нашли у сломанного моста: он был жив и возвращался пешком.

Из шести требований только одно получило магический огонь.

Твер обошёл ворота и признал, что новые подпорки выдержат хотя бы первый удар. Потом всё равно остановился у журнала.

— Когда конница появится, мы потратим двадцать мер без нового совета?

— Если стража подтвердит штурм, — сказала Лиара. — Да.

— А если часть совета будет в Кессене, часть у моста, часть спать?

— Потому правило и нужно заранее.

Они записали его под сегодняшним расходом.

«При равных просьбах стекло получает не самый знатный, не самый близкий и не тот, кто громче. Сначала — то действие, без которого до следующего решения случится потеря, которую нельзя исправить. Только если стекло действительно меняет это действие и нет другого пути той же скорости».

Мирана добавила ниже: «Решение и исход записывать отдельно».

Илья перечитал. Правило было длинным, несовершенным и оставляло место спору. Оно не превращало страх в число. Но теперь следующий проситель должен был объяснить не только, почему его беда велика. Он должен был показать, что именно изменят потраченные меры.

На закате Северную пластину вернули в ящик. Речная по-прежнему лежала рядом чистой и нетронутой.

Дан запер первый замок, сменный представитель — второй.

— Всё ещё последняя? — спросил Дан.

— Теперь обе последние, — сказала Мирана.

Илья посмотрел на журнал. Один магический огонь не вылечил ребёнка, не освободил караван и не укрепил ворота. Он лишь не позволил совершить ошибку до приезда человека, который мог помочь.

Иногда этого было достаточно, чтобы цена не оказалась напрасной.

Глава 5. Разбитое не пустое

Утром Илья нашёл Мирану под столом.

Она не пряталась. Просто на каменном полу было удобнее смотреть, как свет проходит через осколок, закреплённый между двумя деревянными стойками. Стол заслонял окно, и тонкий луч от зеркала пересекал стекло почти у самой трещины. На известковой стене дрожала бледная полоса, рассечённая тремя тёмными нитями.

— Если Совет хранителей пришлёт ещё одно предложение, скажем, что бывшая хранительница занята уборкой, — сказал Илья.

— Скажем, что она учится смотреть снизу вверх. Иногда полезно.

Он опустился рядом. Под столом пахло пылью, остывшей золой и тем резким минеральным запахом, который оставался после нагретого стекла. Мирана подвинула зеркало на ширину пальца. Светлая полоса на стене стала уже, зато одна из тёмных нитей исчезла.

— Это тот осколок, который ты велела не выбрасывать после пересчёта?

— Первый из трёх. Он треснул задолго до нашего прихода. По журналу — при попытке удержать связь во время грозы.

— А по стеклу?

— По стеклу журнал врёт.

Мирана сказала это без торжества. Она вообще не любила ловить мёртвых писарей на лжи. За каждой неверной строкой мог стоять не злой умысел, а усталость, страх наказания или человек, который записывал чужое объяснение и сам ничего не видел.

Илья подался ближе. Трещина шла от сколотого края к середине, но не доходила до матового круглого пятна, где когда-то собиралось тепло. По обе стороны от неё стекло различалось цветом. С одной стороны оно было серо-зелёным, с другой отдавало тёплой желтизной.

— Его грели после трещины, — сказал он.

— Почему?

Это был не вопрос наставницы, которая уже знала ответ. Мирана действительно хотела услышать ход его мысли.

— Край оплавлен. Не весь. Здесь осталась острая выщербина, а рядом поверхность круглая, словно её пригладили. Если пластина лопнула от жара, края были бы одинаковыми. И внутри у трещины есть пузырьки. Они вытянуты к краю.

Мирана вынула осколок из зажима и положила на тёмную ткань.

— Ещё.

Илья провёл ногтем над стеклом, не касаясь его. На Земле он видел похожие следы на старых витражах: реставраторы разных веков подплавляли свинец, меняли фрагменты, перекрывали краску. Стекло помнило вмешательства хуже дерева, но всё-таки помнило. Нужно было только не решить заранее, что именно хочешь найти.

— Эта сторона стала короче, — сказал он. — Рамка рассчитана на прежний размер. Между упором и краем вставляли медную прокладку. Значит, после повреждения кусок вынули, обработали и вернули.

— Не вернули. Попытались вернуть.

Она показала едва заметную белую дугу у матового пятна.

— При зарядке тепло дошло сюда и ушло в трещину. Пластина не держала ровный ток. Её сняли до того, как она разлетелась. Потом записали, что гроза разрушила стекло окончательно.

— Чтобы никто не повторял попытку?

— Или чтобы не отвечать за неё.

Над ними скрипнула столешница. Дан поставил на неё тяжёлый ящик и, не видя их, спросил:

— Вы здесь?

— Нет, — ответила Мирана.

Дан заглянул под стол.

— Тогда кому принесли ещё шесть коробок из башенного склада?

— Тем, кого нет. Только не открывай без свидетеля.

Они выбрались наружу. В мастерской уже ждали Лиара и Астра. Лиара вернулась от Сухого моста перед рассветом и успела переодеться, но на сапогах ещё серела речная глина. Караван пока стоял на месте. Рисса нашла старый брод, однако берег там оказался слишком крутым для телег. Можно было переправить мешки на лодках, если договориться с рыбаками и не дать серым плащам заметить подготовку раньше времени.

Астра привела двух стекольщиков из нижней мастерской. Один делал оконные круги, второй — бутылки и аптечные сосуды. Перед ящиками они держались так, словно их позвали осматривать останки человека.

— Открываем всё? — спросила Лиара.

— Сначала переписываем печати, — сказала Мирана. — Потом открываем по одному. Никто не берёт стекло голыми руками. Никто не греет без общего решения.

— Даже ты?

Мирана посмотрела на неё.

— Особенно я.

Дан записал состояние восковых печатей. На двух был знак Старых Печей, на одной — прежний знак Кессена, ещё на трёх печать соскоблили. Под крышками лежали осколки, завернутые в шерсть, старые ремни рам, медные дуги и мешочки с серой крошкой. В одном ящике нашлась почти целая пластина, расколотая поперёк на две половины. Её матовый круг был тёмным, будто стекло накопили изнутри.

Оконщик по имени Жарек присвистнул.

— Из такого можно набрать сотню цветных вставок.

— Нельзя, — резко сказала Мирана.

Он отдёрнул руку, хотя ещё не успел протянуть её к стеклу.

— Я не трогаю.

— Дело не в пальцах. Это стекло хранило заряд. Мы не знаем, что останется в крошке после резки.

— Но ты говорила, оно пустое.

— Я говорила: оно не отвечает на проверку. Это не одно и то же.

Илья услышал в её голосе старую школу. Так, вероятно, Севра останавливала учениц: опасность сначала, объяснение потом. Но Мирана вздохнула и продолжила уже спокойнее:

— Представь уголь, который сверху серый. Он может быть холодным, а может обжечь, если разломить. Пока не проверили, считаем, что внутри жар.

Жарек кивнул. Второй мастер, молчаливый Сен, спросил:

— Чем проверять, если обычная рама его не чувствует?

— Вот это нам и нужно решить.

Они разложили находки на трёх столах. На первом — крупные части пластин, на втором — крошку и оплавленные края, на третьем — рамы и прокладки. Каждой вещи Дан дал номер. Илья зарисовывал трещины на отдельных листах, не пытаясь пока соединять их в одну схему.

Через час повторился след, замеченный под столом. Потом ещё раз. У пяти осколков края были оплавлены после раскола. Два носили следы медной сетки, прижатой к поверхности. На одном сохранилась тонкая полоса другого стекла — более прозрачного, почти бесцветного.

— Заплата, — сказал Сен.

— Или попытка сплавить два состава, — возразила Мирана.

— Какая разница, если не сработало?

— Огромная. Заплата означает, что хотели вернуть старую пластину. Второй состав означает, что пытались использовать осколок как часть новой.

Астра подняла голову от перечня.

— И что из этого нам полезнее?

Вопрос был простым и неприятным. Совет пяти сторон мог разрешить исследование, но не бесконечное. Пока они разглядывали старые ошибки, караван с песком стоял у моста, склады топлива пустели, а люди регента могли начать осаду.

Илья взял лист с рисунками. Пять оплавленных осколков происходили из разных лет. Три хранились без записей. Об одном было сказано, что его уничтожили. Значит, сами попытки скрывали не хуже рецептов.

— Полезнее не выбирать между починкой и переплавкой до опыта, — сказал он. — Сначала понять, что уже пробовали. Если повторный нагрев всегда ведёт трещину к матовому кругу, чинить целую пластину бессмысленно. Но если старое стекло добавляли в новый состав и оно смешалось, осколки могут стать сырьём.

Жарек нахмурился.

— Стекло всегда можно переплавить.

— Оконное, — сказала Мирана. — А это содержит примеси. Часть отвечает за накопление тепла, часть — за медленную отдачу. При слишком сильном жаре они могут выгореть, осесть или сделать массу хрупкой.

— Тогда не всегда.

— Тогда мы не знаем.

Сен взвесил в ладони кусок деревянной рамки.

— У стекольщиков есть простой способ. Берём малую горсть, плавим отдельно, смотрим, что получилось. Не надо для этого всю пластину губить.

Мирана уже хотела возразить, но остановилась.

— Сколько нужно?

— С ноготь. Лучше два. Один нагреть с чистым песком, второй отдельно.

— Печь?

— Нижний горн держит жар для бутылок. Для вашего стекла, может, мало.

— Мало, — сказала она. — Но узнать, что происходит до полного расплава, тоже полезно.

Лиара положила ладонь на стол рядом с осколками.

— Вы сейчас собираетесь делать опыт?

— Если совет разрешит отдать два кусочка, — ответил Илья.

— Тогда сначала назовите, что может пойти плохо. Не после хлопка.

Они перечислили. Кусок мог сохранить заряд и обжечь мастера. При нагреве мог дать едкий дым. Мог лопнуть и разметать острые части. Мог повредить горн, если расплав прилипнет к стенке. Наконец, опыт мог ничего не доказать, но уничтожить редкий образец.

Жарек предложил маленький закрытый тигель — глиняный сосуд для плавки, похожий на толстую чашку с крышкой. Сен потребовал поставить его в пустой горн и отвести учеников. Мирана хотела окружить сосуд медной сеткой, но Илья спросил, не повлияет ли медь на результат. После короткого спора сетку решили поставить снаружи, не касаясь тигля. Лиара отвела для опыта старый навес за мастерской, велела приготовить песок для тушения и запретила зрителям подходить ближе стены.

Совет собрался быстрее, чем обычно. Возможно, слово «осколки» оказалось понятнее, чем спор о мерах заряда. Люди знали, что такое сломанная вещь. Одни хотели её починить, другие — выбросить, третьи уже считали, сколько целого можно получить из обломков.

Тевевер потребовал использовать треснувшие пластины на воротах немедленно.

— Если они ещё хранят хоть долю жара, поставим в чаши. Пусть сработают один раз.

— Или лопнут над нашими людьми, — сказала Мирана.

Представитель Кессена предложил отдать осколки хранителям в обмен на новые пластины.

— Они согласны говорить. Нужно узнать цену.

— Цена уже названа, — напомнила Астра. — Единый надзор и молчание мастерских.

— Тогда торговаться.

— Чем? Тем, что они считают своей собственностью?

Разговор начал ходить по кругу. Илья положил перед советом три рисунка оплавленных краёв.

— Эти пластины пытались нагревать после раскола. По меньшей мере одну пробовали соединить с другим стеклом. Записи об опытах скрыты или неверны. Мы просим два малых образца из тех осколков, которые уже не складываются в целую пластину. Один нагреем отдельно, второй — с чистым стекольным составом. Это не даст готового рецепта. Только покажет, имеет ли смысл дальнейшая работа.

— А если имеет? — спросил Твер.

— Тогда осколки станут сырьём для испытаний, а не оружием.

— А если нет?

— Мы потеряем два кусочка размером с ноготь и перестанем надеяться на неверный путь.

Лиара добавила:

— Опыт проведут открыто. Каждый город может прислать одного наблюдателя. Но стоять они будут там, где скажут мастера.

Совет разрешил. Не потому, что все поверили Илье, а потому, что цена первой попытки была названа заранее и оставалась малой.

К полудню Сен обжёл два тигля без стекла, проверяя, не треснут ли они сами. Жарек просеял песок. Мирана выбрала осколок без матового накопительного круга, завернула его в плотную ткань и ударила деревянным молотком. Звук вышел короткий, неприятный. Все вздрогнули, хотя ничего магического не случилось.

Она развернула ткань. Среди мелкой крошки лежали два подходящих кусочка.

— С этого мгновения всё, что останется, возвращаем в ящик, — сказала она. — Пыль тоже.

— Пыль как собирать? — спросил Дан.

— Вместе с тканью.

Первый кусок положили в тигель один. Второй — на смесь песка и обычной стекольной крошки. Крышки замазали глиной. Сен поставил сосуды в горн длинными клещами и заложил устье кирпичом.

Ждать оказалось труднее, чем спорить.

Лиара ушла проверить приготовления у реки. Астра вернулась к складам. Представители городов стояли за стеной и пытались по цвету дыма угадать, что происходило внутри закрытых сосудов. Илья сидел на перевёрнутом ведре и переписывал последовательность действий. Мирана каждые несколько минут смотрела на водяные часы.

— Ты знаешь, сколько греть? — спросил он.

— Нет.

— Но время выбрала.

— Выбрала предел. Это другое. Если держать дольше, мы перестанем проверять осторожный нагрев и начнём гадать, что переживёт самый сильный.

— А хранители знают?

— Севра знает больше меня. Не всё. Никто не учил нас переплавлять старые пластины. Их полагалось возвращать Совету.

— И что с ними делал Совет?

Мирана посмотрела на закрытый горн.

— Говорил, что уничтожает.

— Ты верила?

— Тогда — да.

Это «тогда» отделяло её прежнюю жизнь от нынешней тоньше любой трещины. Илья не стал спрашивать, когда именно она перестала верить. Возможно, не в один день. Сначала увидела неверную запись, потом печать на ящике, потом оплавленный край. Монополии редко держались на одной большой лжи. Чаще — на сотне привычных действий, каждое из которых по отдельности можно было объяснить заботой.

Когда вода в часах дошла до метки, Сен выгреб угли перед устьем. Тигли оставили остывать, не снимая крышек. Жарек ворчал, что опытные стекольщики смотрят массу горячей, иначе не видят её поведения. Мирана ответила, что опытные хранители иногда остаются без глаз именно поэтому.

Первую крышку сняли после заката.

Одинокий осколок не расплавился. Он осел, края стали мягче, а по поверхности прошла сеть белых прожилок. При лёгком касании деревянной палочкой кусок рассыпался на крупные зернистые части.

— Пережгли, — сказал Жарек.

— Или разрушили то, что держало его вместе, — сказала Мирана.

Второй тигель открыл Сен. Обычная масса сплавилась в небольшой мутный комок. Внутри него тянулась тёмная лента — остаток старого осколка. Полностью он не смешался, но край ленты вошёл в новое стекло без заметной трещины.

Никто не заговорил сразу.

Илья попросил лампу и повернул комок к свету. Там, где старое стекло соприкасалось с новым, шла тонкая янтарная полоса. Она напоминала след на найденном утром осколке.

— Вот, — сказал он. — Тот же цвет.

Мирана сравнила образцы. Потом велела Дану принести рисунок и ящик с первой находкой. Совпадение не было точным: старая полоса была тоньше и прозрачнее. Но теперь она выглядела не случайным налётом, а границей двух составов.

— Значит, можно, — выдохнул представитель Кессена.

— Нет, — одновременно сказали Илья и Мирана.

Представитель раздражённо развёл руками.

— Я вижу старое стекло внутри нового.

— Видите комок, который не развалился после остывания, — ответил Илья. — Мы не знаем, держит ли он тепло. Не знаем, выдержит ли второй нагрев. Не знаем, не лопнет ли завтра.

— Но старое не исчезло.

— Вот это мы знаем, — сказала Мирана. — И ещё знаем, что отдельный осколок после такого жара стал хрупким. Чинить пластину простым нагревом нельзя. Добавлять часть в новую массу, возможно, имеет смысл.

Она произнесла «возможно» так, будто закрепила на столе опасный инструмент.

Дан записал результат двумя отдельными строками. Илья настоял, чтобы рядом появились и условия: какой осколок взяли, сколько времени держали, какой горн использовали, когда открыли тигель. Без этого фраза «старое стекло можно переплавить» уже через неделю превратилась бы в рецепт. А рецепта у них не было.

На следующее утро комок осмотрели снова. За ночь он не треснул, но янтарная граница помутнела. Сен постучал по нему костяной ручкой. Звук оказался глухим, хуже, чем у обычного стекла.

Мирана провела слабую проверку теплом, не используя ни одну целую пластину. Она поставила комок между нагретой медной чашей и холодной мерной пластинкой. Обычное

стекло передавало тепло постепенно. Новый образец сначала задержал его, затем отдал коротким толчком.

Мерная пластинка качнулась.

— Он что-то удержал, — сказал Жарек.

— Мгновение, — ответила Мирана. — И отдал неровно.

— Для сигнала хватит?

— Для ожога тоже хватит.

Она повторила опыт с защитным щитом. Второй толчок был слабее. На третий раз образец почти не задержал тепло.

— Старый состав не умер, — сказал Илья. — Но работает не так, как раньше.

— И его мало, — добавила Мирана. — Если подмешать слишком много, границы станут местами напряжения. Если слишком мало — мы не получим пользы. Нужны разные доли, разный жар и медленное охлаждение.

Жарек улыбнулся впервые за утро.

— То есть работа для стекольщиков.

— Работа вместе со стекольщиками, — поправила она.

Он принял поправку без обиды.

К полудню в мастерскую принесли записку от Лиары. Рыбаки согласились дать четыре лодки. Перенести весь песок незаметно было невозможно, но можно было начать с людей и части мешков. Серые плащи усилили караул у моста. До назначенного ими срока оставалось меньше суток.

А вместе с запиской пришёл мальчик от северных ворот. Он передал маленький свёрток без печати. Внутри лежал ещё один осколок, чистый и тонкий, с оплавленным краем. На бумаге было написано всего две строки.

«Совет уничтожает не всё. Спросите Мирану, куда уходили ящики третьего года».

Подписи не было.

Мирана прочитала записку дважды.

— Третий год чего? — спросил Илья.

— Моего ученичества. Тогда на юге погасли четыре башни. Нам сказали, что пластины разбили и утопили в глубоком карьере.

Она поставила новый осколок рядом с образцами. Его край был покрыт той же янтарной полосой, только ровнее.

— Кто мог прислать?

— Один из троих хранителей. Или тот, кто хочет, чтобы мы так подумали.

— Севра?

— Она бы поставила знак. Даже предавая Совет, она поставила бы знак.

Илья взглянул на ворота мастерской. Незнакомый посланник не подарил им знание. Он подарил направление и одновременно напомнил, насколько мало они понимали в старых запахах.

— Осколок мог быть подменён, — сказал он.

— Да.

— Записка может вести в ловушку.

— Да.

— Но след настоящий?

Мирана подняла стекло к свету.

— След повторного отжига настоящий. Вопрос — где его сделали и зачем отдали нам сейчас.

Она не спрятала записку в личный карман. Положила к журналу, позвала Дана и продиктовала обстоятельства получения. Затем добавила новый осколок в перечень как вещь неиз-

вестного происхождения, которую нельзя использовать в опытах, пока её не сравнят с остальными.

Совет снова потребовал немедленного вывода. Теперь Тевер хотел размолоть все мелкие осколки и отдать их стекольщикам. Представитель Кессена, наоборот, предлагал скрыть находку, чтобы Совет хранителей не забрал сырьё силой.

— Если скроем, — сказала Астра, — чем будем отличаться от тех, кто скрывал старые попытки?

— Тем, что скрываем от врага.

— Через месяц врагом назовут соседний город.

Илья слушал и думал о реставрации. Иногда владельцу старой вещи хотелось, чтобы мастер немедленно вернул ей блеск. Но сначала приходилось сообщить неприятное: трещина глубже, прежний ремонт повредил основу, а красивый слой держится на грязи. Честный ответ выглядел как отказ действовать, хотя на деле не давал уничтожить то, что ещё можно было сохранить.

— Разбитые пластины не пусты, — сказал он, когда спор выдохся. — В них остались части состава, следы старых опытов и, возможно, способность ненадолго удерживать тепло. Но они не запас готовой магии. Если объявим их спасением, люди начнут греть всё подряд. Кто-то получит осколками в лицо раньше, чем мы сделаем вторую пробу.

— Что предлагаешь записать? — спросила Лиара, вернувшаяся как раз к концу заседания.

— Три вещи. Целые части не трогаем, пока не поймём, можно ли читать по ним старые попытки. Мелкую крошку делим только для опытов с заранее названной ценой. Ни один результат не называем рецептом, пока другой мастер не повторит его отдельно.

— В другом городе, — добавила Астра.

— Когда будет чем повторять.

Мирана дописала четвёртое правило: неизвестное происхождение всегда указывать рядом с результатом. Подброшенный осколок мог подсказать верный путь, но не имел права становиться доказательством.

Совет утвердил правила до следующего пересмотра. Тевер ворчал, что от правил ворота крепче не станут. Лиара ответила, что сегодня ворота укрепляют брёвна, а завтра их может разрушить неосторожный тигель, если правила не принять.

После заседания она отвела Илью к окну.

— У моста придётся действовать ночью. Мы выведем возчиков первыми. Потом начнём переносить мешки к лодкам. Если серые заметят, часть песка бросим.

— Совет согласился?

— Согласится, когда услышит цену. Половина груза лучше, чем люди и весь груз у Тарвена.

— Тебе нужна пластина?

— Нет. Мне нужны четыре лодки, двенадцать носильщиков и два костра, которые не зажгут до моего сигнала.

Она посмотрела на столы с осколками.

— Нашли чудо?

— Нет.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Чудо пришлось бы охранять. А работу можно разделить.

Лиара ушла собирать людей. Илья вернулся к образцам. Мирана сидела над старым журналом выдачи и искала третий год своего ученичества. Между двумя целыми страницами обна-

ружился аккуратно вырезанный лист. На следующем сохранился прижатый след чернил. Если подсветить бумагу сбоку, можно было разобрать несколько слов.

«...девять ящиков...»

«...повторный отжиг...»

«...не направлять в карьер...»

И последнюю строку:

«Северная мастерская Совета».

Мирана долго смотрела на вдавленные буквы.

— Значит, они не просто знали, — сказала она. — Они собирали разбитое.

— Может быть, чтобы безопасно хранить.

— Может быть. Это тоже нужно проверить.

Она произнесла эти слова без прежней поспешной уверенности. Илья понял, что сегодняшний опыт изменил не только их отношение к осколкам. Мирана больше не хотела заменять старую тайну новой догадкой, даже если догадка обвиняла людей, которые лишили её знака.

Дан занёс в журнал и отпечаток вырезанной страницы. Оригинал оставили на месте. Рядом положили лист с результатами двух тиглей.

На одном столе лежали следы чужого молчания. На другом — их первая честная неудача: рассыпавшийся кусок и мутный комок, который удержал тепло всего на мгновение.

Этого было мало для новой пластины.

Но достаточно, чтобы перестать считать разбитое мусором.

Глава 6. Караван серого песка

Четыре лодки казались большими, пока в первую не положили десять мешков.

Борт опустился почти к самой воде. Рыбак Кром ткнул веслом в мокрый песок, выругался и велел снять два. Носильщики подчинились без спора: река была чёрной, холодной и не прощала людям желания унести всё сразу.

Лиара стояла по колено в камыше и считала не мешки, а минуты. До моста отсюда было меньше половины лиги. Течение поворачивало под высоким берегом, поэтому огни караула не были видны, зато каждый случайный звук казался слишком громким. Доски скрипели. Вода шлёпала о борт. Один из возчиков кашлял в рукав и всякий раз виновато зажимал рот.

— Восемь на лодку, — решил Кром. — И по два человека. Если посадите третьего, пойдёте по дну вместе со своим драгоценным песком.

— Сначала люди, — сказала Лиара.

— Люди легче мешков не стали.

— Сначала все возчики. Песок потом.

Кром посмотрел на восемь мужчин и одну женщину, которых Рисса вывела с дороги по одному. Серые плащи позволяли им отходить от повозок к кустам, но только под взглядом часового. Первым ушёл старший возчик, сделал вид, что поскользнулся на склоне, и скрылся в овраге. Потом двое устроили ссору у костра. Пока караульный растаскивал их, женщина пролезла под телегой и поползла по сухой канаве. Последние четверо просто убежали, когда Рисса перерезала верёвку колокольчика на мостовой заставе.

Теперь люди были свободны, но повозки с серым песком остались у моста.

— Переправим пятерых сейчас, четверых второй лодкой, — сказала Лиара. — На том берегу их встретят. Никто не возвращается за грузом.

Старший возчик Хон покачал головой.

— Мои кони там.

— Кони тоже уйдут, если успеем.

— А если не успеем?

— Тогда ты останешься жив и будешь злиться на меня с этого берега.

— Мои повозки куплены в долг.

— Долг совет запишет как потерю союза.

— Запишет, — повторил он с таким выражением, будто слышал обещание маленького ребёнка.

Лиара не стала убеждать. Она заранее добилась решения совета: людям и владельцам возместят принятую ради союза потерю не будущим чудом, а долями из общего сбора после зимы. Бумага лежала у Астры. Сейчас показывать её в темноте было бессмысленно.

Первая лодка отошла без фонаря. Кром направлял её по слабому блеску неба на воде. Вторая последовала через сто ударов сердца. Когда последний возчик ступил на противоположный берег, Лиара почувствовала, как внутри отпускает тугой узел.

Людей они уже не проиграют.

Груз — могли.

Рисса вернулась от моста, пригнувшись так низко, что сначала её приняли за тень куста.

— Снаружи четырнадцать, — прошептала она. — Ещё свет в доме сборщика. Двое ушли к западной дороге, наверное, проверять следы. Нашли перерезанный колокольчик.

— Сколько времени?

— Мало. Пока думают, что возчики спрятались рядом.

План был прост именно потому, что времени не оставалось. Двое носильщиков должны были подползти к первой повозке, снять заднюю доску и спустить мешки в канаву. Там их

подхватывали другие и цепочкой несли к реке. Уводить телеги не собирались: скрип колёс разбудил бы весь мост. Лошадей можно было отвязать и пустить по старой тропе, если караул заметит пропажу.

Лиара разделила людей на пары. Ни одна пара не должна была ждать следующую. Если впереди появлялся враг, мешок бросали и отходили к реке. Если слышали три коротких свиста, операция заканчивалась независимо от того, сколько песка оставалось.

— А два свиста? — спросил молодой носильщик.

— Таких сигналов нет.

— Почему?

— Потому что ночью ты начнёшь гадать, был второй или нет.

Он хотел улыбнуться, но не смог.

Первая цепочка ушла в темноту. Лиара осталась у изгиба канавы, откуда видела край дороги и могла передать приказ к реке. Ей хотелось пойти к повозкам самой. Там находилась опасность, а значит, привычное место командира. Но если она полезет туда, никто не увидит одновременно мост, тропу и лодки. Пришлось стоять и доверять людям, которым она объяснила всего три правила.

Первый мешок появился через несколько минут. Носильщик тащил его на плече, согнувшись почти вдвое. Серый песок был не обычным речным грузом. Его брали ниже глинистого слоя, промывали и сушили; он был мелким, тяжёлым и лип к ткани. За первым пришёл второй, за ним третий.

У воды Кром распределял груз. Восемь мешков — ни одним больше. Лодка отходила вниз, пересекала течение за поворотом и возвращалась вдоль другого берега.

Двадцать четыре мешка перенесли без тревоги. На двадцать пятом у моста закричала лошадь.

Лиара подняла руку. Цепочка замерла.

Послышались голоса. Один человек ругался, другой звал факел. В канаве кто-то тяжело дышал. Потом на дороге появился красный свет.

— Ещё один мешок уже идёт, — шепнул связной.

— Пусть несут. Остальным ждать.

Факел двинулся к первой повозке. Свет выхватил раскрытый задний борт и рассыпанную серую дорожку. Кто-то ударил в тревожную доску вместо перерезанного колокольчика.

Лиара свистнула три раза.

Люди отступили. Большинство бросило мешки сразу. Один упрямо протащил свой до канавы и только там отпустил. Другой побежал к реке с грузом на плече, не слыша окрика.

— Брось! — сказала Лиара.

Он сделал ещё три шага. Из темноты над дорогой свистнула стрела и ударилась в мешок. Плотная ткань задержала наконечник, но песок посыпался носильщику за ворот. Он наконец сбросил груз и упал рядом.

Лиара подползла к нему. Крови не было. Стрела прошла только через мешковину.

— Жив?

— Да.

— Тогда ползи.

На дороге зажглись ещё два факела. Серые плащи не пошли к реке всей группой. Шестеро остались у телег, четверо двинулись вдоль следов, двое побежали к дому сборщика. Они действовали не как разбойники, заставшие воров, а как солдаты, ожидавшие попытки отбить груз.

Рисса возникла рядом с Лиарой.

— Кони?

— Отвязать. Пустить к западу.

— Там наши следы.

— Потому и к западу. Пусть думают, что уводим повозки.

Рисса исчезла. Через минуту на дороге загрохотали копыта. Одна лошадь понесла сразу, две замешкались, потом рванули за первой. Серые закричали и разделились. Половина побежала к телегам, остальные повернули на запад.

Это дало носильщикам время дойти до воды. Но последняя лодка ещё была на другом берегу. На ближнем лежали тридцать два мешка, и теперь рядом с ними толпилось слишком много людей.

— Уходим по тропе, — приказала Лиара.

Кром схватил её за рукав.

— Если бросим здесь, они найдут лодки по следам.

— Тогда режем мешки.

— Что?

— Четыре верхних. Рассыпать в воду и камыш. След станет шире.

Хон, который вопреки приказу вернулся с дальнего берега в лодке Крома, услышал её и выругался.

— Вы с ума сошли. Мы этот песок месяц мыли.

— Поэтому режем четыре, а не тридцать два.

— Я сам понесу.

— Ты уже свободен. Не делай так, чтобы за тобой пришлось возвращаться второй раз.

Хон смотрел на мешки, как на собственных детей. Потом выхватил нож и распорол первый. Серый поток высыпался в мелкую воду. Кром ногой размешал его с илом. Ещё три мешка опустошили поперёк берега, оставляя десятки ложных следов.

Факелы появились на краю камыша раньше, чем вернулась вторая лодка.

— Именем регента стойте! — крикнул человек с дороги.

Лиара узнала голос старшего караула. Днём разведчики слышали, как его называли Вайдом.

— Покажите знак регента! — ответила она.

Возникла короткая тишина.

На плащах знаков не было, пряжки они сточили. Формально мост заняли люди без хозяина. Именно так Тарвен мог забрать груз и при неудаче объявить их обычными грабителями.

— Оружие на землю!

— Чьим именем?

Вместо ответа полетела стрела. Она ушла выше голов и упала в реку. Предупреждение, но следующее могло оказаться точнее.

Лиара велела людям лечь. У неё было восемь лучников, скрытых на дальнем склоне, однако их задача состояла не в победе над серыми. Если начать бой, караул из дома сборщика придёт к реке раньше, чем лодки вывезут груз. Лучники должны были стрелять только по тем, кто войдёт в камыш.

— Мы забираем свой груз, — сказала она громко. — Возчики подтвердят договор.

— Возчики нарушили задержание.

— Кто их задержал?

— Управление моста.

— Тогда выйдите с печатью управления.

Вайд не вышел. Его люди двигались справа, пытаясь обойти камыш. Лиара увидела качание стеблей и поняла, что разговор нужен ему так же, как ей. Он ждал подкрепление.

Вернулась лодка. Кром подвёл её без весла, держась за камыш. Восемь мешков легли на дно. Потом ещё восемь. Людей отправляли следом по двое.

— Нас заметили, — прошептал рыбак. — На том берегу всадник.

Лиара посмотрела через реку. Между деревьями действительно двигался огонёк. Западный берег переставал быть безопасным. Если туда придёт отряд, лодки окажутся зажаты с двух сторон.

— Сколько уже вывезли?

— Пятьдесят шесть мешков, если те восемь дошли.

Всего в караване было сто двадцать. У воды оставалось двадцать четыре целых. Около сорока лежали у дороги или ещё были в повозках. Четыре они высыпали сами.

Можно было продолжить ещё два рейса и рискнуть всеми людьми. Можно было уйти сейчас, сохранив почти половину груза.

Хон понял раньше, чем Лиара сказала.

— Один рейс, — попросил он. — Хотя бы один.

На дальнем берегу огонёк разделился на три. Всадников было больше.

— Нет.

— Мы успеем.

— Лодки успеют. Люди с того берега — нет.

Она велела погрузить восемь мешков и всех оставшихся. Шестнадцать мешков распо-
роли. Песок с шорохом уходил в воду. Ещё восемь столкнули в глубокий рукав целыми: утром их, возможно, можно будет достать, но сейчас они должны были исчезнуть.

Хон помогал молча. На последнем мешке его руки задрожали. Он не жалел магическое сырьё. Он видел месяцы труда, долг за повозки, корм для коней и обещанную плату людям. Решение совета о возмещении не возвращало ему эту ночь.

Лиара встала рядом.

— Я запишу каждый мешок.

— От записи песок не вернётся.

— Нет.

— Тогда не говори так, будто вернётся.

Она кивнула.

— Не буду.

Серые вошли в камыш. Первый наступил на скрытую ветку, и сухой треск выдал его. Лучник с дальнего склона пустил стрелу в землю перед ним. Вайд приказал идти дальше.

Вторая стрела ударила в факел и выбила его из руки. Свет упал в мокрую траву, зашипел и погас. На несколько мгновений наступила полная темнота.

— Лодки вниз по течению! — приказала Лиара.

Кром оттолкнулся. Перегруженный борт качнулся, зачерпнул воду, но выправился. Вторая лодка пошла следом. Две пустые привязали к ним: бросать их означало лишиться рыбаков половины промысла.

Лиара осталась с Риссой и тремя лучниками. Они должны были увести погоню по берегу и перейти реку ниже, где лежал старый рыбацкий челнок.

— Теперь можно поджечь ложный костёр? — спросила Рисса.

— Первый.

На западном склоне вспыхнул огонь. Его заранее сложили так, чтобы он быстро разгорелся и так же быстро погас. Серые решили, что там собирается отряд. С дороги донёсся приказ повернуть.

Второй костёр должен был появиться севернее, показывая путь обозу к Старым Печам. Но человек у сигнала зажёл его слишком рано. Два огня одновременно выдали обман: настоящий большой отряд не стал бы сообщать врагу оба места.

Вайд понял.

— К реке! Они уходят по воде!

Лиара побежала. Больше скрываться не имело смысла. Камыш бил по лицу, грязь хватала сапоги. Позади трещали ветви. Рисса держалась слева. Лучники расходились по заранее выбранным тропам.

У челнока их ждал подросток-рыбак. Увидев погоню, он побледнел, но не убежал.

— Ложитесь на дно, — сказал он. — Здесь мелко, придётся толкать.

— Ты уходи первым, — приказала Лиара.

— Это мой челнок.

Она узнала в его упрямстве Хона и перестала тратить время. Они втроём столкнули лодку. Вода дошла до пояса. Рисса забралась внутрь, потом рыбак. Лиара ещё держалась за корму, когда на берег выскочил серый плащ.

Он поднял лук.

Рисса бросила в него весло. Не попала, но заставила отшатнуться. Лиара толкнула челнок и нырнула за ним. Стрела вошла в воду рядом с её плечом. Холод перехватил дыхание.

Рыбак схватил её за ворот и втащил через низкий борт.

— Я велела тебе грести, — выдохнула она.

— Весло вон там.

Они посмотрели на Риссу. Та сидела безоружная и виноватая.

— Зато он не выстрелил.

Пришлось грести вторым веслом и ножнами меча. Течение само уносило челнок от моста. Серые шли по берегу, но стрелять в темноте больше не решались. Или берегли стрелы. Или им приказали не убивать Лиару, если её можно взять живой.

Через четверть часа они догнали последнюю грузовую лодку. Один из носильщиков пересел к ним с запасным веслом. До рассвета все четыре лодки укрылись в узком рукаве за ивовым островом.

Там пересчитали людей.

Девять возчиков. Двенадцать носильщиков. Четыре рыбака. Восемь лучников. Рисса, Лиара и подросток с челноком. Один человек ушиб колено, двое порезали ладони, у Крома стрела распорол рукав, не задев кожу. Никого не потеряли.

Потом пересчитали мешки.

Шестьдесят четыре.

Из ста двадцати.

Хон сел на мокрую землю. Потеря была меньше половины всего груза всего на четыре мешка, но больше половины полезного пути: часть спасённого песка ещё предстояло сушить заново. Вода проникла в нижний ряд.

— Значит, половина, — сказал он.

— Чуть больше половины у нас, — заметил молодой носильщик.

Хон посмотрел на него.

— Половина. Не торгуйся со мной четырьмя мешками.

Лиара не поправила. Победные слова здесь были бы ложью. Они спасли людей и часть сырья, но врагу достались повозки, остаток песка и возможность объявить караван законно изъятым. Кони ушли на запад; найдут ли их, никто не знал.

На рассвете к острову добралась ещё одна маленькая лодка. В ней сидели двое стражников в серых плащах без оружия. Лучники натянули тетивы.

— Не стреляйте, — крикнул передний. — Мы не за вами.

Он снял плащ. Под ним была простая дорожная куртка.

— Вайд велел утром написать, что на мост напали мятежники и убили двух людей. Никто не убит. Он хочет повод закрыть реку.

— Почему вы здесь? — спросила Лиара.

— Потому что следующим приказом будет убить кого-нибудь для правды в бумаге.

Второй стражник положил на нос лодки две сточенные пряжки. Под царапинами ещё угадывался знак Тарвена.

— Возьмите. И наши имена запишите. Только семьи с моста выведите, прежде чем покажете.

Лиара приняла пряжки не сразу.

— Если это ловушка, вы знаете, где мы стоим.

— Если бы знали, где вы стоите, пришли бы не вдвоём.

Рисса проверила их лодку и одежду. Оружия действительно не было. Стражников посадили отдельно и дали им сухие плащи. Их слова записали каждый сам по себе, чтобы сравнить позже.

Старые Печи встретили караван без колоколов. Лиара заранее запретила празднование. Мешки внесли во двор, взвесили и разложили сушиться. Астра записала шестьдесят четыре доставленных, двадцать четыре уничтоженных у воды, приблизительно тридцать два оставленных у моста. Отдельно — восемь повозок, упряжь и пропавшие кони.

Хону показали решение о возмещении. Он прочитал медленно и попросил добавить имена всех возчиков, потому что долг был не только его. Астра добавила.

На совете Тевер назвал операцию победой. Представитель Кессена — растратой. Мирана спросила только одно:

— Хватит ли спасённого песка для опытов?

Жарек ответил:

— Для малых проб — надолго. Для настоящей варки — смотря сколько испортим до неё.

— Значит, не обещаем пластин из каждого мешка.

— Не обещаем.

Лиара положила на стол сточенные пряжки.

— Груз задержали люди Тарвена без знамён. Двое готовы свидетельствовать, если мы выведем их семьи. Вайд собирается придумать убитых, чтобы закрыть реку.

— Мы можем отправить магический сигнал всем городам раньше его гонцов, — сказал Тевер.

— Можем, — ответила Лиара. — И покажем красным светом, где держим последнюю связь. Обычные гонцы уже ушли тремя дорогами. С копиями показаний.

— Опять бережём стекло.

— Сегодня нас спасли лодки, люди и три простых сигнала. Один сигнал ошиблись зажечь. Его надо исправить, а не заменять пластиной.

Илья наблюдал, как серый песок сохнет на полотнах во дворе. Издали он выглядел пеплом после пожара. Но в каждом мешке лежало не обещание чуда, а несколько будущих попыток. Большинство могло закончиться мутным комком или трещиной. Несколько, возможно, дадут слабое стекло.

Цена этих попыток теперь была записана точно: холодная река, потерянные повозки, мокрая одежда, пятьдесят шесть мешков и люди, которых не оставили ради груза.

В журнале Лиара написала последней строкой:

«Песок можно добыть снова. Ночь нельзя вернуть человеку, которого не вывели первым».

Потом зачеркнула красивую фразу и записала проще:

«Все люди выведены. Потеряно пятьдесят шесть мешков. Решение повторить при тех же условиях».

Только так правило становилось правилом, а не утешением после удачи.

Глава 7. Печь, которой нет

Большая печь стояла посреди Старых Печей так, будто весь посёлок вырос вокруг неё и только потом вспомнил о домах, колодцах и людях.

Её круглая каменная грудь занимала почти половину старой мастерской. Над крышей поднималась широкая труба, почерневшая от прежнего дыма. Вдоль стен тянулись полки с формами, щипцами и железными трубками. На полу лежали дорожки спёкшегося песка. Всё выглядело готовым принять огонь.

Огня не было.

Жарек открыл нижнюю заслонку, лёг на живот и просунул внутрь длинный прут с промасленной паклей. Пламя осветило кирпичный ход. Несколько мгновений оно тянулось к глупине ровно, потом пригнулось и едва не погасло.

— Не дышит, — сказал Жарек.

Сен стоял рядом, обняв себя за плечи. Он был старше Жарека почти вдвое и проработал у большой печи двадцать семь лет, но в эту минуту походил на человека, которого не пустили в собственный дом.

— Вчера дышала, — ответил он. — Перед уходом я проверял тягу.

— Вчера ты проверял пустой ход.

— Я знаю, что проверял.

Они вернулись из речной экспедиции ещё затемно, поспали два часа и с рассветом пришли готовить первую большую пробу. Спасённый песок сушился на полотнах. Медные прижимы очистили. Из старых запасов собрали известь и золу, которых хватило бы на несколько варок. По расчёту Жарека печь следовало медленно прогревать до следующего вечера, а уже потом ставить малые сосуды с разными смесями.

Теперь ставить было некуда.

Илья присел у заслонки. Оттуда пахло холодной сажей и влажным камнем. Он не понимал устройства стекольной печи так, как Сен, зато узнавал другое: помещение пыталось убедить их, что ничего не произошло.

Инструменты висели на местах. Зола была подметена. Дверь не взломана. Даже цепочка на боковом окне осталась застёгнутой.

— Когда здесь последний раз топили по-настоящему? — спросил он.

— До осады, — сказал Сен. — Потом берегли дрова. Но малый прогрев делали каждые десять дней, чтобы сырость не ела швы.

— Кто делал?

— Я. Жарек. Иногда Тиса, если мы были на работах.

У дальней стены женщина в кожаном фартуке подняла голову. Тисе было лет сорок, короткие волосы поседели над висками, а на правой руке не хватало мизинца. Она не оправдывалась.

— Позавчера ход был чистый, — сказала она. — Я сама видела свет в верхнем глазке.

Жарек вынул паклю. Кончик горел неровно.

— Значит, за два дня печь разучилась дышать.

— Печь не разучивается, — отрезал Сен.

— Тогда её научили не дышать.

Лиара вошла без плаща, хотя снаружи моросило. За ней пришли Рисса и двое стражников. После ночи на реке Лиара переоделась, но волосы ещё пахли дымом, а на левой щеке темнела царапина от камыша.

— Двери закрыть, — сказала она. — Никого не выпускать до первого осмотра. Это не арест. И никто не обыскивает людей без причины.

— Прекрасная разница, — заметил Жарек.

— Разница в том, что мы ищем сломанную печь, а не удобного виновного.

Сен тяжело посмотрел на неё.

— Вы уже решили, что её сломали.

— Нет. Вы решили, что вчера она работала. Я хочу понять, что изменилось.

В мастерской находились одиннадцать человек: трое стекольщиков, четверо подмастерьев, двое носильщиков, Илья и Мирана. Мирана стояла у стола с журналом прогрева. Она не касалась страниц. После ночного предложения Севры любое её движение возле печи замечали особенно внимательно.

— Совет хранителей предупреждал, что большая варка без надзора опасна, — сказал один из подмастерьев.

— Совет предупреждал о составе и отжиге, — ответила Мирана. — Не о том, что кирпичная труба закроется сама.

— А если это их защита?

— Тогда защита должна быть описана. Тайная поломка — не защита.

Лиара распределила работу. Рисса проверяла двери, окно и чердак. Стекольщики разбирали путь воздуха от нижней заслонки к трубе, но не снимали камни, пока Илья не зарисует их положение. Подмастерья показывали, где были ночью и у кого имелись ключи. Не потому, что каждый стал подозреваемым, повторила Лиара, а потому, что память через час начнёт подгонять себя под найденное.

Илья взял угольный карандаш и доску. Он привык видеть в старых картах не только линии, но и порядок их появления. Сначала рука писца провела берег. Потом другой человек добавил крепость. Потом третья рука стёрла дорогу и нарисовала на её месте лес. Печь тоже хранила порядок действий, только её слоями были сажа, пыль и каменная крошка.

На полу перед нижней заслонкой лежала свежая зола. Слишком свежая и слишком ровная.

— Здесь подметали сегодня? — спросил он.

Тиса покачала головой.

— Вчера утром.

— Тогда почему следов почти нет?

— Потому что мы вошли по боковой дорожке.

Это было правдой. Все, кто собирался к печи, ходили слева, где пол посыпали песком против скольжения. Перед самой заслонкой оставался чистый полукруг. Однако у стены в золе виднелись две короткие борозды, параллельные, будто там ставили узкий ящик.

Илья позвал Лиару.

— Кто-то мог принести инструмент, — сказала она.

— Или кирпичи.

— Кирпичи к печи не носят в ящике, — вмешался Сен. — Они тяжёлые.

— А что носят?

— Смесь для швов. Малые формы. Обломки огнеупорного камня.

Жарек уже снял боковую крышку воздушного хода. За ней оказался слой чёрной пыли, но прут прошёл свободно.

— Снизу чисто, — сказал он. — Забито выше.

Они поднялись на площадку второго яруса. Здесь печь сужалась, а вокруг неё шёл деревянный настил. Во время работы на нём стояли люди, следившие за сосудами через глазки. Сейчас доски были холодными. На одном поручне Илья заметил серую царапину.

— Это старое? — спросил он.

Тиса потёрла след большим пальцем. На коже осталась светлая пыль.

— Нет. Огнеупорный кирпич. Наши наружные стены краснее.

— Где храните такие?

Сен показал на запёртый чулан под лестницей.

Замок не был взломан. Ключ висел у Сена на поясе. Второй, как выяснилось, лежал в железном ящике конторы, запечатанном общей печатью мастерской.

Рисса принесла этот ключ через несколько минут. Печать на ящике выглядела целой.

— Значит, кирпич не наш, — сказал молодой подмастерье.

Илья повернул ключ к свету. В бороздках застрял тонкий красный воск.

— Когда открывали ящик?

— Три дня назад, — ответил Сен. — Брали мерные кольца.

— Печать меняли?

— Конечно.

— А воск из ключа вычистили?

Сен нахмурился. Рисса открыла ящик. Внутри лежали запасной ключ, кольца, две книги расходов и мешочек с печатным воском. Печать действительно была целой, но петли на задней стороне крышки блестели у шляпок гвоздей.

Лиара провела ногтем по одной.

— Их вынимали.

— Не обязательно ночью, — сказал Илья. — И не обязательно ради ключа. Но крышку можно снять, не ломая печать.

Подмастерья заговорили разом. Лиара подняла ладонь.

— Пока это способ, а не имя.

Чулан открыли. Внутри стояли сорок два светлых кирпича. Сен пересчитал дважды и сказал, что должно быть сорок восемь.

— Шесть ушло?

— Если запись верна.

Запись была верна не полностью. В книге значились сорок восемь после ремонта северной арки. Но на полке Илья нашёл кусок мела и старые насечки: четыре десятка и семь единиц. Кто-то однажды пересчитал запас иначе и не перенёс число в журнал.

— Потеряно пять или шесть, — сказал он. — Мы не знаем.

— Для перекрытия трубы хватит четырёх, — ответил Жарек. — Если поставить на уступе.

— А потом зажечь печь? — спросила Мирана.

— Дым пойдёт в мастерскую. Люди успеют погасить.

Сен смотрел на светлые кирпичи так, словно один из них мог заговорить.

— Если поставить неправильно, они провалятся в жар и расколют внутреннюю чашу.

— Значит, ставил тот, кто знал уступ, — сказала Лиара.

До трубы можно было добраться снаружи по крыше или через узкий очистной ход за печью. На крыше Рисса нашла мокрый мох без следов. Дождь мог смыть грязь, но не вернул бы примятые стебли. Очистной ход закрывала железная дверца. Её болты покрывала одинаковая старая ржавчина, кроме одного — нижнего правого.

Жарек хотел сразу сорвать дверцу ломом. Илья остановил его.

— Посмотри на грани.

На болте остались две светлые полосы от ключа. Рядом на камне лежала крупинка застывшей смеси.

— Раствор замазали после того, как закрыли, — сказал Сен. — Снаружи он кажется старым.

Тиса принесла лампу. В тёплом свете стало видно, что вокруг дверцы нарисовали тонкие трещины углём, продолжая настоящие линии в старой кладке. Человек не просто открыл ход. Он постарался сделать вид, что его не открывали.

Илья почувствовал неприятное уважение к работе. Подделка была рассчитана не на внимательный осмотр, а на спешку. Спасённый песок приехал. Совет требовал результата. Люди ждали первых пластин. В такой день мастера должны были увидеть плохую тягу, быстро прочистить низ, развести сильнее огонь и потерять часы, пока дым не заполнит помещение.

Или пока кирпичи не рухнут внутрь.

— Всех отвести от печи, — сказала Лиара.

— Там холодно, — возразил Жарек.

— Пока не узнаем, что ещё сделал человек, который рисовал трещины, она опасна и холодной.

Из мастерской вышли во двор. Дождь усилился. Рабочие собрались под навесом, откуда большая труба казалась целой и надёжной. Новость уже разошлась по посёлку. За воротами стояли люди, некоторые принесли пустые корзины, будто собирались получить новые пластины к обеду.

— Скажите им, что варка отложена, — велела Лиара.

— Из-за диверсии? — спросил стражник.

— Из-за неисправности, которую мы проверяем.

— Они решат, что мы скрываем.

— Если назовём диверсию до доказательств, они решат, кого повесить.

Первым решили проверить не людей, а работу. Сен продиктовал, кто знал устройство очистного хода. Таких оказалось семнадцать: нынешние мастера, трое прежних работников, два каменщика, Мирана, Севра и ещё четверо хранителей, принимавших печь после ремонта. Кроме того, увидеть дверцу мог любой ученик, но знать внутренний уступ — только тот, кто участвовал в чистке или читал схему.

Схема лежала в конторе.

Её развернули на столе. На листе были обозначены воздушные ходы, глазки, опоры чаши и тот самый уступ в трубе. Бумага пожелтела, края пропитались маслом. В правом нижнем углу стояли подписи Сена, прежнего старшины и хранителя, чьё имя почти стёрлось.

— Корин, — прочла Мирана. — Он умер шесть лет назад.

Илья наклонил лист. Имя не стёрлось от времени. Его соскабливали ножом, а потом натирали край грязью, чтобы повреждение казалось старым.

— Почему скрывать мёртвого? — спросила Рисса.

— Может быть, скрывали не его, — ответил Илья.

Под верхним краем листа шла ещё одна царапина. Он не стал тереть её пальцем. Попробовал лампу, поставил сбоку и увидел вдавленные линии. Когда-то поверх схемы лежала тонкая записка, на которой писали твёрдой рукой. Несколько слов читались зеркально и кусками: «второй ключ», «осмотр» и «Тиса».

Все посмотрели на женщину без мизинца.

Тиса не отступила.

— Я осматривала печь после Корина, — сказала она. — Тогда и нашла трещину в чаше. Хранители велели молчать, пока не заменят смесь.

— Почему этого нет в журнале? — спросил Сен.

— Потому что ты был в Ларсе. Старшина сказал, что запись сделают после ремонта.

— И сделали?

— Ты держишь книгу.

В книге записи не было.

Под навесом стало тихо. Для толпы за воротами тишина означала признание. Кто-то крикнул, что виноваты хранители. Другой потребовал вывести Тису. Стражники закрыли ворота.

— Никого не выводить, — сказала Лиара. — Тиса первой сообщила, что ход был чист позавчера. Если она лжёт, это проверяется. Если говорит правду, нам нужна её память.

— У неё не хватает пальца, — сказал молодой подмастерье. — После той трещины?

— После другой печи, — ответила Тиса. — И палец не делает меня ни честнее, ни виновнее.

Лиара попросила каждого отдельно нарисовать внутренний ход. Сен, Жарек и Тиса знали уступ. Двое старших подмастерьев помнили, что в трубе есть сужение, но поставили его не там. Мирана нарисовала верно по старой схеме хранителей. Остальные не знали.

Потом выяснили время.

Позавчера Тиса проверяла тягу перед закатом. Ночью мастерская была закрыта. Вчера утром Сен вошёл взять щипцы, но огонь не разводил. Днём двое носильщиков принесли золу. Вечером Жарек забрал формы для речной операции. У каждого было по одному свидетелю, кроме Сена: он утверждал, что вошёл один.

— У меня был ключ, — сказал он устало. — Конечно, я вошёл один. Если хотите удобного виновного, берите старшего мастера.

Лиара не ответила. Илья попросил показать связку ключей.

Ключ от большой двери был тёмным от рук. Ключ от чулана — тоже. Маленький ключ от задней калитки блестел чище, хотя зубцы были забиты засохшей белой смесью.

— Я калиткой не пользуюсь, — сказал Сен.

— А кто пользуется?

— Тот, кто несёт золу со двора.

Носильщики переглянулись. Один из них, Вель, признался, что неделю назад ключ заедал и он отдал его ученику слесаря. Ученик вернул связку вечером.

— Имя, — сказала Лиара.

— Дорн. Он чинит замки у северных ворот.

Рисса ушла искать Дорна и вернулась одна. Ученик слесаря исчез утром, оставив постель неубранной. Его мастер считал, что Дорн отправился с обозом к Кессену. В списках обоза имени не было.

Толпа за воротами немедленно получила виновного. Дорна называли человеком Тарвена, подкупленным хранителями и просто трусом, который сломал печь из зависти. Никто из кричавших не мог объяснить, откуда ученик слесаря знал внутренний уступ.

— Он мог снять слепок ключа, — сказала Лиара. — Это объясняет вход. Не знания.

— Ему показали схему, — предположил Жарек.

— Кто?

Жарек посмотрел на Мирану и отвёл взгляд.

Мирана сняла со шеи свой знак хранителя — уже бесполезный после решения Совета — и положила на стол.

— Если хотите обыскать мои вещи, общите при свидетелях. Схемы там нет.

— Я не обвинял, — сказал Жарек.

— Ты решил не произносить обвинение. Это другое.

Илья ещё раз осмотрел схему. На левом краю осталось чистое прямоугольное пятно, тогда как всё вокруг потемнело от дыма. Там долго лежал другой лист, приколотый двумя точками. Когда его сняли, поверхность под ним оказалась светлее.

— Здесь была копия порядка чистки, — сказал Сен. — Короткая памятка. Для учеников.

— Что в ней?

— Открыть нижний ход. Проверить боковой. Снять очистную дверцу. Проверить уступ зеркалом.

— Значит, Дорну не требовалась полная схема. Достаточно памятки.

— Её сняли давно, — возразила Тиса.

— Насколько давно?

Никто не помнил. Сен сказал — прошлой зимой. Жарек — месяц назад. Один подмастерье видел её на прошлой неделе, но не был уверен, что вспоминал именно этот лист.

Илья почувствовал знакомую опасность: когда доказательств мало, память начинает помогать слишком усердно. Он записал все три ответа, не выбирая лучший.

Дверцу очистного хода сняли только после того, как вокруг натянули верёвку и вынесли из мастерской всё горючее. Жарек работал длинным ключом, стоя сбоку. Болты поддались неожиданно легко. Из отверстия потянуло холодом.

Внутри на уступе лежали пять светлых кирпичей. Их поставили поперёк хода и скрепили слабым раствором. Шестого не было. Между кирпичами оставили узкую щель, достаточную для пустой проверки, но слишком маленькую для горячей печи.

— Вот почему Тиса видела свет, — сказал Сен. — Пламя проходит. Тяги для варки нет. Жарек подсветил снизу. За преградой блеснула тонкая проволока.

— Не трогай, — сказала Лиара.

Проволока тянулась от верхнего кирпича к железному крюку. Когда раствор прогрелся бы и ослаб, кирпич должен был наклониться, потянуть соседний и обрушить всю кладку вниз.

Сен побледнел.

— В чашу.

— Что случилось бы? — спросила Лиара.

— Если бы мы только сушили печь — разбили бы опору. Если бы уже поставили сосуды, стекло и горячая смесь пошли бы по полу. Здесь стояли бы двадцать человек.

Это была не задержка. Не предупреждение. Тот, кто устроил преграду, рассчитывал на момент, когда мастерская заполнится людьми и жаром.

Мирана попросила показать проволоку, но не подошла близко.

— Такая была в ящиках Совета. Ею закрепляют мерные рамки.

— Только у Совета? — спросила Лиара.

— Нет. Её покупают стекольщики, ювелиры, изготовители весов. Я говорю, откуда знаю её.

Проволоку сняли вместе с крюком. На свободном конце сохранился маленький узел. Тиса узнала способ: так вязали старые мастера большой печи, чтобы петля не распускалась в перчатках. Сен умел этот узел. Жарек умел. Тиса умела. Корин учил ему десятки людей.

Имя виновника снова ускользнуло.

Зато намерение стало ясным.

Лиара открыла ворота и вышла к жителям. Она не поднялась на помост и не стала ждать тишины.

— Печь намеренно перекрыли пятью кирпичами, — сказала она. — При сильном нагреве они могли упасть внутрь и ранить людей. Мы нашли способ входа и пропавшего человека, но пока не доказали, кто поставил преграду и кто передал ему сведения. Никто не будет назван виновным до проверки.

— Хранители! — крикнули из толпы.

— Возможно.

— Тарвен!

— Возможно.

— Тогда что вы вообще знаете?

Лиара указала на трубу.

— Мы знаем, что человек рассчитывал на одну большую печь. Он думал: исчезнет она — исчезнет вся наша работа.

Толпа притихла не сразу. Людям хотелось имени сильнее, чем устройства следующего дня. Имя позволяло ненавидеть одного человека. Устройство требовало менять привычки.

Сен вышел следом.

— Печь можно восстановить, — сказал он. — Если чаша не повреждена, три дня на разбор и осмотр. Потом медленный прогрев.

— А если повреждена? — спросили его.

— Две недели. Может, больше.

По рядам прошёл ропот. Две недели без опытов казались проигранной войной.

— Мы можем поставить охрану, — предложил Твер, прибывший к полудню. — Десять человек внутри, десять снаружи. Никто не войдёт.

— И все узнают, где единственная работа, — сказала Лиара.

— Они уже знают.

— Поэтому нам нужна не только охрана.

Илья посмотрел на ряд малых ремесленных горнов за соседними крышами. В одном плавили оконное стекло. В другом обжигали посуду. Ни один не мог дать ровный жар большой печи. По крайней мере, так говорили мастера.

Но диверсант видел мир так же, как они сами утром: одна большая печь, одна точка отказа, одно место, без которого ничего не получится.

— Не начинайте большую варку сразу после ремонта, — сказал Илья.

Сен повернулся к нему.

— Ты предлагаешь вообще не пользоваться печью?

— Предлагаю не доказывать врагу, что он выбрал правильную цель.

— Малые горны не держат нужный жар.

— Тогда пока используем их для того, что они держат. Сушить песок. Готовить пустые сосуды. Проверять смеси без осколков. Учиться измерять время. Всё, что не требует этой печи, вынести из неё.

Жарек медленно кивнул.

— А большую чинить открыто.

— Открыто?

— Пусть каждый видит, что мы нашли. И каждый шаг записывают двое из разных мастерских. Тогда следующий человек не сможет закрыть дверцу и нарисовать старые трещины.

Мирана взяла со стола отложенный знак и перевернула его тёмной стороной вверх.

— Совет предложит своих людей для охраны и восстановления. Севра скажет, что только хранители умеют проверить чашу.

— Умеют? — спросила Лиара.

— Некоторые — да.

— Тогда пусть показывают, что умеют. При всех. Без права закрыть дверь.

К вечеру кирпичи вынесли во двор и разложили по отдельным доскам. Их не отмывали. На двух нашли следы той же белой смеси, что забила ключ от задней калитки. На одном — отпечаток ткани с узкой полосой. Такой тканью обматывали ладони мастера, ученики и грузчики. След оказался настоящим, но почти бесполезным.

Рисса вернулась с новостью о Дорне. Его видели на северной дороге с человеком в сером плаще. Он шёл сам, не связанный. У постоянного двора оба купили хлеб, потом свернули к старому известковому карьёру.

— Значит, жив, — сказала Лиара.

— Был жив утром.

— Послать двоих следом. Не брать, если рядом отряд. Нам нужен его рассказ, а не тело удобного предателя.

Сен попросил разрешения остаться у печи на ночь. Лиара отказала.

— Две стражи снаружи. Внутри никого.

— Это моя мастерская.

— Именно поэтому ты не должен завтра доказывать, что ночью ничего не изменил. Сначала он оскорбился. Потом понял и отдал ей ключ.

Илья задержался у порога. Лиара стояла под навесом и переписывала список тех, кто знал устройство хода. Дождь стекал с края крыши ровной стеной.

— Ты спала два часа, — сказал он.

— Почти три.

— Это не сильное возражение.

— А у тебя есть сильное?

Он забрал у неё дощечку.

— Я перепишу. Ты поешь.

— Ты не знаешь половину имён.

— Поэтому буду спрашивать. Медленно и обычным голосом, без пластины.

Она улыбнулась, но тут же стала серьёзной.

— Человек внутри знал, когда придёт песок. Знал, что мы начнём спешить. Если Дорн помог, он не придумал всё сам.

— И записку с оплавленным осколком мог прислать другой человек.

— Или тот же, если хотел направить нас к печи.

— Зачем одновременно помогать и ломать?

— Чтобы мы открыли дверцу в нужный момент. Чтобы обвинили Совет. Чтобы приняли его помощь. Пока не знаю.

Илья посмотрел на пять светлых кирпичей. Их было достаточно, чтобы уничтожить большую печь, но недостаточно, чтобы объяснить замысел.

— Тогда в журнале пишем только то, что знаем.

Он записал:

«Большая печь намеренно перекрыта. Преграда устроена человеком, знавшим очистной ход, внутренний уступ и время прибытия песка. Найдены пять кирпичей, проволока и поддельно состаренный раствор. Возможный доступ через копию ключа. Дорн отсутствует, вина не доказана. До полного осмотра печь не разжигать».

Ниже Лиара добавила:

«Работу не собирать в одном месте только потому, что так было раньше».

В сумерках по Старым Печам зажглись малые огни. Не магические. В одном дворе сушили песок, в другом обжигали пустой сосуд, в третьем проверяли водяные часы. Большая труба оставалась тёмной.

Издалека могло показаться, что главная печь исчезла и посёлок проиграл.

Вблизи было видно другое: работа разошлась по пяти дворам, и теперь для её остановки пяти кирпичей уже не хватало.

Глава 8. Ученица Севры

Севра пришла к большой печи на рассвете, когда стража ещё менялась и ночной дождь висел на верёвках прозрачными каплями. За ней шли Каст, Лейна и двое людей с длинным ящиком. Они не были вооружены, но несли ящик так осторожно, словно в нём лежало оружие.

Лиара встретила их у ворот мастерской. Ключ от главной двери висел у неё на шнуре поверх куртки.

— Внутрь никого не пускают, — сказала она.

— Поэтому мы остались снаружи, — ответила Севра. — Я слышала про кирпичи. Принесла зеркало для чаши, мерный крюк и состав, которым можно проверить швы без огня.

Один из сопровождающих поставил ящик на козлы. Каст откинул крышку. Внутри, в шерстяных гнёздах, лежали медные стержни, круглое зеркало на шарнире и шесть запечатанных банок. У каждого предмета была бирка Совета хранителей.

— Подарок? — спросила Лиара.

— Нет. Условие.

Севра достала сложенный лист. Внизу уже стояли три печати.

— Мы восстановим печь и проверим чашу. Если повреждений нет, через четыре дня вы начнёте медленный прогрев. Если есть — привезём мастеров и нужную смесь. Взамен пять сторон подтверждают, что устройство магического стекла, составы и порядок отжига не будут сообщаться тем, кого Совет не признал способными хранить знание.

— То есть вы почините то, что кто-то пытался уничтожить, если мы вернём вам прежнее право закрывать двери.

— Я предлагаю не право закрывать двери. Я предлагаю не убить людей открытой дверью.

За спиной Лиары собирались рабочие. Они пришли к малым дворам, но остановились, увидев хранителей. В Старых Печах новости не требовали колокола. Достаточно было одному человеку не пройти мимо.

Мирана появилась последней. Она не надела знак хранителя. Севра заметила пустое место у её воротника и на миг поджала губы.

— Ты знала, что мы придём? — спросила Мирана.

— Я знала, что вы найдёте преграду, если не погибнете раньше. Тот, кто её поставил, рассчитывал на спешку. Ты никогда не умела спешить возле горячего стекла.

— Ты знала о преграде?

— Нет. Я знала о людях.

Ответ был настолько похож на похвалу, что толпа зашумела сильнее. Мирана взяла лист, прочла его и передала Илье.

Текст был коротким. Совет не требовал отдать старые пластины и не упоминал надзор за распределением заряда. Он требовал только молчания. Но молчание распространялось на всё: от места добычи песка до признаков опасной трещины. Нарушителя следовало лишить права работать с печами, а Совет мог потребовать уничтожить его записи.

— Кто решает, что человек способен хранить знание? — спросил Илья.

— Три мастера, уже признанные Советом, — сказала Севра.

— А кто признал первых трёх?

Каст усмехнулся, но Севра ответила серьёзно:

— Те, кто пережил первые варки.

— Пережить ошибку и получить право скрыть её — не одно и то же.

— Верно. Но мёртвый ученик уже ничему не научится.

Сен вышел из толпы. После бессонной ночи его лицо стало серым.

— Вы можете проверить чашу сегодня?

— За два часа, — ответила Севра. — И сказать, можно ли её чинить вашими силами.

— Тогда подпишем.

Люди вокруг заговорили разом. Для них большая печь была не спором о власти, а четырьмя днями работы, хлебом и возможностью получить хотя бы слабое стекло до следующего нападения. Сен поднял голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.